

**ЛИТЕРАТУРА ЮЖНОГО УРАЛА
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**ЛИТЕРАТУРА ЮЖНОГО УРАЛА
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

**Челябинск
2024**

УДК 882 (471.5) (021)

ББК 83.3 (2Р36) я73

Л 64

Литература Южного Урала в контексте истории русской литературы: учебное пособие / сост. Т.Н. Маркова; Министерство просвещения Российской Федерации, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. – Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2024. – 121 с. – ISBN 978-5-907869-54-7. – Текст: непосредственный.

Учебное пособие содержит материал для изучения основных тенденций и наиболее значительных явлений литературы Южного Урала в тесной связи с историей русской литературы XIX–XXI вв.: о литературной жизни региона, наиболее значительных именах и событиях, просветительской и культуртрегерской деятельности и пр. В двух разделах рассматривается творчество писателей, связанных с Уралом: А.С. Пушкина, Д.Н. Мамина-Сибиряка, П.П. Бажова и др.; поэтов Б. Ручьева, Л. Татьяничевой, К. Скворцова, В. Кальпиди и др.; прозаиков Ю. Либединского, Л. Сейфуллиной, Т. Набатниковой, В. Курносенко, Р. Валеева и др. Картина литературного процесса этих лет представлена в динамическом сосуществовании и взаимодействии основных литературных направлений: реализма, соцреализма постмодернизма.

В соответствии с требованиями ФГОС направления подготовки 44.04.01 рекомендовано учебно-методическим советом ЮУрГГПУ в качестве учебного пособия для магистрантов направления подготовки – Педагогическое образование. Русский язык и литература в поликультурной образовательной среде. Может быть полезным учащимся выпускных классов и школьным преподавателям-словесникам.

Рецензенты: А.В. Подобрий, д-р филол. наук, профессор
Т.Ф. Семьян, д-р филол. наук, профессор

ISBN 978-5-907869-54-7

© Маркова Т.Н., составление, 2024

© Издательство Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2024

ВВЕДЕНИЕ

Включенный в учебный план магистерской программы «Русский язык и литература в поликультурной образовательной среде» курс «Литература Южного Урала в контексте истории русской литературы» относится к вариативной части профессионального цикла дисциплин. Общая трудоемкость дисциплины составляет для студентов очного отделения 6 зачетных единиц – 216 часов. Из них 40 часов – аудиторная работа (12 часов – лекции, 28 часов – семинарские занятия – см. краткое содержание курса), 122 – внеаудиторная самостоятельная работа, зачеты в 1 и 2 семестрах, экзамен – в 3 семестре.

Для освоения курса «Литература Южного Урала в контексте истории русской литературы» студенты используют знания, умения и навыки, сформированные в ходе изучения предметов «Теория литературы», «Фольклор», «История русской литературы», «История зарубежной литературы», входящих в базовую и вариативную части ОПОП по профильной направленности «Русский язык. Литература».

Изучение дисциплины «Литература Южного Урала в контексте истории русской литературы» направлено на решение следующих задач:

- формирование у студентов понимания исторического и эстетического значения русской литературы как единого историко-культурного процесса;

- выработку умения использовать систему научных понятий и научных приемов при анализе регионального литературного материала;

– формирование навыков самостоятельной работы, умения анализировать незнакомый художественный текст.

В результате освоения курса студент должен

– *знать* общие закономерности развития литературы Южного Урала в контексте истории русской литературы XIX–XXI вв.;

– *уметь* применять систематизированные теоретические и практические знания в процессе преподавания литературы в средней и высшей школе;

– *владеть* приемами представления результатов изучения литературного процесса в форме доклада, рецензии, мультимедийной презентации, буктрейлера, видеоролика.

Освоение курса формирует следующие компетенции, обозначенные в п. 5.3 ФГОС:

ПК-2. Способен осуществлять фундаментальное и/или прикладное исследование в сфере образования и науки.

ПК-3. Готов к разработке и реализации содержания филологического образования, анализу результатов научных исследований и их использования в практике обучения русскому языку и литературе.

Задачи профессиональной деятельности магистра-филолога, а также указанные компетенции определили структуру данного учебного пособия.

Пособие состоит из двух разделов: первый – «У истоков уральской словесности», второй – «Литература Южного Урала советского периода», содержащих теоретический материал и задания для самостоятельной работы.

Составитель выражает глубокую благодарность коллективу авторов академической «Истории литературы Урала. XIX век», челябинским краеведам А. Лазареву, В. Боже, Н. Капитоновой, В. Черноземцеву, Е. Трубникову, А. Казакову, Т. Соловьевой, Л. Стрелец, чьи труды дали бесценный материал для настоящего пособия.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

1 семестр: 4 ч. – лекции, 4 ч. – практические занятия.

Актуальность региональных исследований. История Урала XVIII века. Ссылные и декабристы на Урале. В. Кюхельбекер.

А.С. Пушкин и Урал. «История Пугачева» и «Капитанская дочка». В. Даль. П. Ершов. Д. Мамин-Сибиряк. Н. Гарин-Михайловский. А.П. Чехов и Урал. Первые челябинские авторы: М. Ястребов, В. Протасов, А. Туркин. Классики башкирской, татарской, удмуртской коми литературы.

2 семестр: 4 ч. – лекции, 12 ч. – практические занятия.

Советская литература. Ю. Либединский «Неделя». Л. Сейфуллина «Правонарушители». П. Бажов. Поэзия Магнитки. Б. Ручьев. М. Люгарин. М. Гроссман. Л. Татьяничева и советская поэзия 1930–1970-х гг. Студенческое литературное общество «Снежное вино».

Поэзия второй половины XX века. К. Скворцов. В. Сорокин. Н. Година.

Проза второй половины XX века. С. Власова. Т. Набатникова. В. Курносенко. Р. Валеев.

3 семестр: 4 ч. – лекции, 12 ч. – практические занятия.

Рубеж XX–XXI вв.

Уральская поэтическая школа. Культуртрегерский проект В. Кальпиди.

Уральская драматургическая школа. Н. Коляда и его ученики.

Новая проза: историческая проза, фэнтези, нон-фикшен. А. Королев. А. Иванов. О. Славникова. В. Сальников. А. Матвеева и др.

Челябинская проза: К. Шишов, Д. Бавильский, Н. Болдырев, А. Середа и др.

РАЗДЕЛ 1

У ИСТОКОВ УРАЛЬСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Актуальность региональных исследований сегодня не подлежит сомнению. С современной точки зрения регионализация выступает как один из этапов глобализации, ассоциируется с автономностью, умением использовать свою принципиальную ацентральность.

Вторая половина XIX – начало XX вв. характеризуется взлетом региональных идентичностей. Предпосылкой послужили два фактора: увеличение численности грамотного населения и усиление роли интеллигенции отдаленных местностей империи, благодаря которой «медвежьи углы» преобразались в «культурные гнезда».

Говоря о литературе Урала, мы имеем в виду некую целостность и одновременно разнообразие культурных гнезд и ландшафтов. Пермский и екатеринбургский геокультурные ландшафты относятся к единому типу «горнозаводской»; в состав региона включается Южно-Уральский край с исторически сложившейся доминантой казачьей культуры, а также хлебное Зауралье.

Если на протяжении XVII–XVIII вв. безусловной социально-экономической и культурной значимостью обладали Строгановский и Демидовский регионы (Прикамье и Средний Урал), то в XIX столетии в литературном отношении выделяется в первую очередь Оренбургский край, прежде всего потому, что там побывал А.С. Пушкин, собиравший материал об истории Пугачевского бунта. Литературную жизнь Оренбуржья и примыкающего к нему юго-восточного

региона Урала, с конца XVIII столетия и далее весь XIX в. нередко определяли приезжие и ссыльные – от Г.Р. Державина до Т.Г. Шевченко.

В 1830–1840-е гг. закладываются основы развития Перми как культурного центра, с 1838 г. здесь начинает выходить первая газета региона – «Пермские губернские ведомости». Литературная жизнь в Екатеринбурге развивается позднее, в последней трети века, когда в городе проживает Д.Н. Мамин-Сибиряк, вокруг которого создается кружок любителей искусства, с 1879 г. начинает издаваться газета «Екатеринбургская неделя».

Литературный процесс и литературная жизнь складывались постепенно и неравномерно в разных культурных гнездах и локусах региона, здесь, как считают авторы академической «Истории литературы Урала», может помочь «анклавный» принцип, примененный В.М. Марковичем к истории русской литературы. Это позволяет оспорить достаточно традиционное мнение об отсталости провинциальных, региональных литератур от столичных. Как известно, столицы в России всегда питались провинцией, доводя провинциальные таланты до нужной и возможной степени совершенства, шлифуя и оттачивая их форму.

Серединное положение Урала позволяет рассматривать его литературу в широком окружении. Урал зачастую служил проводником идей на восток, через Каменный пояс шли путешественники и ученые, переселенцы и ссыльные, многие из них способствовали интеграции Урала и восточных «окраинных земель» в социально-экономическое пространство России. Так, на Южном Урале и в Западной Сибири с середины 1820-х гг. находились в ссылке участники польских восстаний: К. Волицкий, А. Янушкевич, чья сибирская ссылка завершилась в Нижнем Тагиле; Г. Зелинский, автор позднеромантических поэм «Киргиз» (1842), «Степи» (1856) и мн. др.

На Южном Урале, в оренбургских, орских степях отбывал свой срок великий украинский поэт Т.Г. Шевченко.

В произведениях местных талантов изначально наблюдается крен в сторону реалистических способов изобразительности: примат материала над формой, факта над условной литературностью. Так, для В.И. Даля, в 1830-е гг. оказавшегося в крае по служебной надобности и здесь ставшего писателем, была принципиально важна установка на достоверность повествования, подчас строгую документальность.

Специфика Урала во многом определила характерную особенность, присущую его культуре, искусству, словесности, – социальность, подчас даже социологичность, проявляющуюся в том числе и в сознании жителей региона: в их постоянном и настойчивом интересе к делам общественным, в позиционировании себя как края рабочего, сплоченного общей судьбой и общими интересами. Не случайно Ф.М. Решетников, этот уральский как по своему происхождению, так и по содержанию произведений автор, стал первооткрывателем новых качеств литературы в общероссийском масштабе.

К жанру социального романа относятся романы уральского цикла Д.Н. Мамина-Сибиряка, создававшиеся с середины 1880-х до середины 1890-х гг.: «Горное гнездо», «Дикое счастье», «Три конца», «Хлеб», социологический роман «Золото» (1892), где судьбы героев – иллюстрация страшной золотой лихорадки, охватившей регион.

В этот же период в литературе Урала появляются творческие индивидуальности, закладывающие основы формирования поэтической культуры и художественной традиции на родном языке, – первые коми поэты. И.А. Куратов стал для коми культуры тем, чем для русской словесности был М.В. Ломоносов; основоположником удмуртской

национальной науки и литературы стал Г.Е. Верещагин. Их рождению предшествовала долгая накопительная работа.

Челябинск впервые упоминается как крепость, основанная В. Татищевым в Исетской провинции в 1736 году. Областным центром он станет только в 1934 г. Первые сведения о литераторах этого края почерпнуты из государственных и частных архивов, изучением которых в 1990-е гг. занялся Центр историко-культурного наследия (директор В. Боже). Эти публикации открыли имена первых южно-уральских просветителей.

Матвей Ястребов (1826–1853) получил образование в Главном педагогическом институте в Санкт-Петербурге, был назначен учителем истории и географии в Троицком уездном училище, публиковался в «Оренбургских губернских ведомостях», в 1850 году переведен в Челябинское уездное училище. Его литературные интересы лежали в сфере народных поверий, суеверий, знахарства, сказаний, бытовавших в Троицком и Челябинском уездах.

Протасов Василий Александрович (1856–1929) родился в семье челябинского священника, занимал должность секретаря челябинской городской Думы. Для него характерен интерес к городской старине. Литературное наследие Протасова хранится в фондах Челябинского областного архива (Объединенный государственный архив Челябинской области).

Туркин Александр Гаврилович (1867–1919), первый профессиональный писатель Челябинска, родился в г. Верхний Уфалей. В 1889 напечатал первое стихотворение в газете «Екатеринбургская неделя», в 1896 очерк «Странички из прошлого» был напечатан в журнале В.Г. Короленко «Русское богатство». В 1902 г. вышел первый сборник рассказов челябинского автора «Уральские миниатюры», отмеченный М. Горьким. В 1915 году А.Г. Туркин возглавил газе-

ту «Голос Приуралья», стал постоянным ведущим рубрики «Челябинская жизнь» в газете «Уральская неделя» (Екатеринбург). В Челябинске он помогал молодым литераторам, в том числе юному Ю. Либединскому.

А.С. Пушкин и Урал

Южный Урал А.С. Пушкин посетил осенью 1833 года. Он стремился на Урал с тех пор, как у него возник план написать историю пугачевского восстания. Исследованием материалов, касающихся поездки поэта на Урал и в Поволжье, занимались А.И. Лазарев, А.И. Белый, Ю.Л. Славянский, О.В. Богданова, Н.Б. Крылова, Р.В. Овчинников, Г.П. Макогоненко, И.Ю. Матвеева, И.И. Евлампиев и многие другие. О поездке в Оренбург писали Д.Н. Соколов, Н.Е. Прянишников, Н.В. Измайлов и С.А. Попов.

В конце 1832 – начале 1833 года Александр Сергеевич Пушкин погрузился в изучение истории Емельяна Пугачева и его восстания. Ему было важно проникнуть в глубины этой народной драмы, понять ее причины, распознать ее движущие силы. Пушкин изучал рукописи на русском и иностранных языках, проводил время в архивах столицы и провинции, словно археолог, раскапывающий руины забытых эпох. Сам поэт признавался, что проанализировал все опубликованные работы о Пугачеве, прочел 18 томов рукописей, манифестов и документов.

Автор «Истории Пугачева» исследователями часто и справедливо квалифицируется не как художник, но как историк; позиция писателя-историка здесь эксплицирована прямо и очевидно. Поэтическое воображение в «Истории Пугачева» уступает место точному следованию подлинному документу, вымысел жестко подчиняется принципу историзма.

Чтобы получить доступ к архивным материалам, хранившим тайны Пугачевского восстания, Пушкин под предлогом написания биографии А.В. Суворова обратился с просьбой предоставить доступ к официальным материалам, которые хранились в архивах Петербурга и Москвы. На запрос, какие конкретно данные ему нужны из Военного министерства для создания «Истории Суворова», поэт незамедлительно ответил, указав на необходимость получения «Следственного дела о Пугачеве». Таким образом, имя Суворова стало для Пушкина ключом к доступу в государственные архивы. 25 февраля Пушкину на квартиру были отправлены две объемные книги из Петербургского отделения архива Главного штаба Военного министерства, содержащие более 1 000 листов.

Дела Секретной экспедиции Военной коллегии содержали свыше 3 500 документов, непосредственно связанных с Пугачевым и его сторонниками: секретные переписки с губернаторами Казанской и Оренбургской губерний, касающиеся восстания, численности и вооружения войска Пугачева, а также обстоятельства организации карательной экспедиции генерала В.А. Кара и его неудачи в столкновениях с повстанцами. В восьми главах «Истории Пугачева» Пушкин использовал материалы более двух сотен документов, которые нашли отражение в Примечаниях и Приложениях.

Начав работу над «Историей Пугачева», поэт стремился не только изучить письменные источники, но и собрать устные свидетельства современников или очевидцев восстания, а также фольклорные произведения, посвященные этому событию. 11 апреля 1833 года он записал рассказ баснописца И.А. Крылова, которому на тот момент было 64 года. Крылов поделился воспоминаниями о «пуга-

чевщине», основанными на рассказах своего отца, бывшего капитана, который проявил храбрость во время защиты Яицкого городка от пугачевцев. Четырехлетний Ванюша Крылов находился с матерью в Оренбурге, и его острая детская память сохранила на всю жизнь воспоминания о том, как его отец рассказывал об обстреле Яицкого городка, казнях, которые учинили пугачевцы, и наступившем голоде. Эти воспоминания И.А. Крылова нашли отражение в IV главе «Истории...».

«ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА»

Основным мотивом «Истории Пугачева» становится легкость движения вперед народного войска и быстрота расширения пространства, захваченного мятежниками. Читательское внимание, следуя за историческими фактами, изложенными почти бесстрастно, подчиняется мотиву движения. Очень показательно, как выстроена вторая глава исторического труда: «Появление Пугачева. – Бегство его из Казани. – Показания Кожевникова. – Первые успехи Самозванца. – Измена илецких казаков. – Взятие крепости Рассыпной. – Нурали-Хан. – Распоряжение Рейнсдорпа. – Взятие Нижне-Озерной. – Взятие Татищевой. – Совет в Оренбурге. – Взятие Чернореченской. – Пугачев в Сакмарске»¹.

Появление Пугачева в повествовании сразу же приводит в движение мятежные силы, которые быстро завладевают огромным пространством. В свою очередь, захват пространства приводит к усилению мятежных сил, поскольку крестьяне явно оказывали свою приверженность самозванцу. Мятеж быстро расширяется пространственно и возрастает количественно: «С каждым днем си-

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. VIII. Ленинград: Наука, 1978. С. 116.

лы Пугачева увеличивались. Войско его состояло уже из двадцати пяти тысяч; ядром оно было из яицких казаков и солдат, захваченные по крепостям; но около их скоплялось невероятное множество татар, башкирцев, калмыков, бунтующих крестьян, беглых каторжников и бродяг всякого рода. Вся эта сволочь была кое-как вооружена, кто копьем, кто пистолетом, кто офицерской шпагой. Иным розданы были штыки, наткнутые на длинные палки; другие носили дубины; большая часть не имела никакого оружия»².

Исследователями уже неоднократно констатировалось, что в тексте «Истории Пугачева» вождь крестьянского восстания изображен как вор, злодей, разбойник. Сподвижники Пугачева неизменно именуется шайкой презренных бунтовщиков, проклятой сволочью, сбродом, грабителями, изменниками и злоумышленниками.

Описываемые события сопровождаются оценочной авторской дефиницией – театр беспорядков, преступное заблуждение, кровавое поприще. В основном тексте «Истории...» автор фокусируется на ужасных преступлениях Пугачева, включая грабежи, убийства и акты насилия. Однако в «Замечаниях о бунте» историк предлагает альтернативные взгляды на этого бунтовщика. В комментарии-примечании сообщается: «Уральские казаки (особливо старые люди) донныне привязаны к памяти Пугачева. “Грех сказать, – говорила мне 80-летняя казачка, – на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал”. “Расскажи мне, – говорил я Д. Пьянову, – как Пугачев был у тебя посаженным отцом”.

“Он для тебя Пугачев, – отвечал мне сердито старик, – а для меня он был великий государь Петр Федорович”.

² Там же. С. 130–131.

Когда упоминал я о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: “Не его воля была; наши пьяницы его мутили”³.

Как явствует из «Истории Пугачева», несмотря на заговор своих соратников, Пугачев до конца так и не снял своей царской маски, которая выделяла его как личность, стоящую выше толпы. Рассказ казаков об аресте Пугачева Пушкин воспроизвел в восьмой главе «Истории...». Окружившие Пугачева казаки заявляли своему предводителю, что хотели явиться к властям с повинной и сдать им самого Пугачева: «“Что же? – сказал Пугачев, – вы хотите изменить своему государю?” – “Что делать?” – отвечали казаки, и вдруг на него кинулись. Пугачев успел от них отбиться. Они отступили на несколько шагов. “Я давно видел вашу измену”, – сказал Пугачев и, подозвав своего любимца, илецкого казака Творогова, протянул ему свои руки и сказал: “вяжи!” Творогов хотел ему окрутить локти назад. Пугачев не дался. “Разве я разбойник?” – говорил он гневно»⁴. Эта сцена описания ареста и поведения Пугачева в «Истории...» Пушкина заслуживает серьезного внимания в плане раскрытия смысла философских размышлений автора: кто он есть – Пугачев – простой разбойник или личность, вкусившая глоток человеческой свободы.

А.С. Пушкин с присущей ему исторической точностью воссоздает драматичные события, развернувшиеся на Урале во время Пугачевского бунта. Его взгляд устремлен на Чебаркульскую, Троицкую и Верхо-Яицкую крепости, а также на Златоустовский, Саткинский и Симский заводы – места, где разворачивались ожесточенные столкновения. Писатель мастерски высвечивает несостоятельность и тру-

³ Там же. С. 254–255.

⁴ Там же. С. 188.

ность командиров правительственных войск: Кара, Михельсона, Фреймана, Декалонга – их действия резко контрастируют с дерзкой инициативностью пугачевцев, возглавляемых Емельяном Пугачевым. «Полковники» Пугачева, действовали спонтанно, но эффективно, взяв под контроль обширные территории и удерживая их на протяжении длительного времени. В «Истории...» Пушкин уделяет внимание Челябинску, который находился под властью пугачевцев более двух месяцев. Он словно проникает в самую суть событий, осведомленный о фактах, которые впоследствии отразятся в его произведении. В романе он упоминает наш город дважды, используя как официальное название – *Челябинск*, так и народное – *Челяба*.

В черновых записях, эскизах и ранних версиях произведений Пушкина можно найти упоминания о других «пугачевских местах» Южного Урала, включая территории современной Челябинской области. Поэт упоминает Кыштымские заводы, Кичигинскую крепость, деревню Караси, Коелгу, Катав-Ивановск, Кундравинскую слободу, Нагайбакскую крепость, Нязепетровский завод и Нижне-Увельскую слободу, а также реки Ай, Сим и Юрюзань.

Известно, что Пушкин так и не посетил Челябинск, Троицк и Верхнеуральск, хотя некоторые исследователи предполагают, что он планировал поездку на местные горные заводы. Жители ряда городов и сел Челябинской области могут ознакомиться с краткими и емкими описаниями событий, происходивших в их краях: в крепостях Магнитной, Кизильской, Карагайской, Уйской и Степной. Например, жители села Варламово могут прочитать: «Вскоре он (Михельсон) узнал о победе Декалонга и направился к Варламову с намерением прервать путь Пугачеву.

На самом деле, 22 мая утром, приближаясь к Варламову, он встретил передовые отряды Пугачева. Он остановился, заняв выгодную позицию у леса, который прикрывал его тыл»⁵. Пушкин также описывает события в Чебаркульской крепости, хотя называет ее «Чербакульской».

Для нас, жителей Челябинска, особенно интересна шестая глава «Истории Пугачева». В ней описываются события, происходившие в 1773–1774 годах на территории современной Челябинской области и частично в Башкирии. Даже в рамках одной главы заметно повторяющееся однообразие «сценариев», по которым действовали пугачевцы. Эти описания создают ощущение трагической безысходности; перечисление фактов насилия и разрушений вызывает глубокое сожаление. Вот несколько примеров из этой главы: «Тихоновский (комендант крепости Магнитной) с женою были повешены; крепость разграблена и выжжена»⁶. «На дороге в Сенарской нашел он множество народа из окрестных разоренных крепостей. Офицерские жены и дети босые, оборванные, рыдали, не зная, где искать убежища», «Крепость Петрозаводская была разорена и выжжена, церковь разграблена, иконы ободраны и разломаны в щепы»⁷. И так было повсюду, куда приходили повстанцы.

В то же время А.С. Пушкин не умалчивает о жестокости, проявляемой некоторыми командирами крепостных гарнизонов по отношению к пугачевцам и местному населению. Например, он пишет: «Комендант Верхо-Яицкой крепости (ныне г. Верхнеуральск) полковник Ступишин вошел в Башкирию, сжег несколько пустых селений; захватив одного из бунтовщиков, отрезал ему уши, нос, пальцы правой

⁵ Там же. С. 166.

⁶ Там же. С. 164.

⁷ Там же С. 165.

руки и отпустил его, угрожая тем же всем остальным бунтовщикам»⁸.

Уральские краеведы охотно цитируют строки из «Истории Пугачева», где Пушкин упоминает родные нам места: «За рекою Юрзенем Михельсон успел разбить еще толпу мятежников и преследовал их до Саткинского завода. Тут узнал он, что Пугачев, набрав до шести тысяч башкирцев и крестьян, пошел на крепость Магнитную. Михельсон решил углубиться в Уральские горы, надеясь соединиться с Фрейманом около вершины Яика (реки Урал).

Пугачев, зажегши ограбленные им Белорецкие заводы, быстро перешел через Уральские горы и 5 мая приступил к Магнитной, не имея при себе ни одной пушки. Капитан Тихановский оборонялся храбро. Пугачев сам был ранен картечью в руку и отступил, претерпев значительный урон. Крепость казалась спасена, но в ней открылась измена: пороховые ящики ночью были взорваны. Мятежники бросились, разобрали заплоты и ворвались. Тихановский с женою были повешены, крепость разграблена и выжжена. В тот же день пришел к Пугачеву Белобородов с четырьмя тысячами бунтующей сволочи»⁹.

И еще одна цитата о передвижении Пугачева в наших окрестных местах: «Генерал-поручик Иван Декалонг из Челябинска, недавно освобожденного от бунтовщиков, двинулся к Верхо-Яицкой крепости, надеясь настигнуть Пугачева еще на Белорецких заводах, но вышед на линию, получил от верхо-яицкого коменданта, полковника Ступицына, донесение, что Пугачев идет вверх по линии от одной крепости на другую, как в начале своего грозного появления. Декалонг спешил к Верхо-Яицкой. Тут узнал он о взятии

⁸ Там же. С. 163.

⁹ Там же. С. 164.

Магнитной. Он двинулся к Кизильской. Но прошед уже пятнадцать верст, узнал от пойманного башкирца, что Пугачев, услыша о приближении войска, шел уже не к Кизильской, а прямо Уральскими горами на Карагайскую. Декалонг пошел назад. Приближаясь к Карагайской, он увидел одни дымящиеся развалины: Пугачев покинул ее накануне»¹⁰.

Во время пребывания на Южном Урале в продолжении всего путешествия Пушкин, сопровождаемый В.И. Далем, побывал в Оренбурге, в казачьих крепостях Ниже-Озерной, Татищевой, Чернореченской, яицком городке Уральске... Владимир Даль писал в своих воспоминаниях: «В Бредах мы отыскали старушку (Ирина Афанасьевна Бунтова, 75 лет), которая знала и помнила Пугачева. Пушкин разговаривал с ней целое утро, ему указали, где стояла изба, обращенная в Золотой дворец. Старуха спела также несколько песен, относящихся к тому же периоду, и Пушкин дал ей на прощание червонец»¹¹. Здесь у Пушкина, очевидно, сложился окончательный сюжет «Капитанской дочки» и собирательный образ Петруши Гринева, ставшего впоследствии эталоном чести русского офицера.

В конце февраля 1835 года Александр Сергеевич Пушкин, в знак искренней благодарности за теплый прием в Оренбурге и оказание необходимой помощи в собирании материалов о Пугачевском восстании, выслал оренбургскому губернатору Василию Перовскому изданную «Историю Пугачева» и еще три экземпляра – Далю, Покатилову и охотнику.

¹⁰ Там же. С. 164–165.

¹¹ Даль В.И. Документы. Письма. Воспоминания. Оренбург, 2008. С. 164.

«КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» – ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН ИЛИ СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Уже напечатана «История Пугачева», а замысел романа о дворянине-пугачевце не оставляет Пушкина. У романа, который опубликован в 1836 году, было 5 редакций плана. Вначале героя звали Шванвич, потом Башарин, Валуев, в последней редакции – Гринева. В романе, сочетающем как черты исторического романа, так и черты семейной хроники, описывается история любви вымышленных персонажей – Петра Гринева и Маши Мироновой, чья история тесно переплелась с событиями Пугачевского восстания. В семейной хронике Пушкина интересуют не бытовые подробности, а проблема нравственного выбора молодых людей в критические моменты их жизни. А.С. Пушкин придал произведению форму мемуаров, или «семейственных записок», сочиненных Петром Андреевичем Гриневым в зрелом возрасте для внуков.

В романе даны портреты двух семей: Гринева и Мироновых. Быт двух провинциальных семейств изображается в связи с лучшими традициями передовой дворянской культуры XVIII века – сбережением своего человеческого достоинства, неукоснительным следованием законам долга и чести, а ирония (по сравнению с иронией Фонвизина) смягчается. В этих героях Пушкин показал «простое величие простых людей».

Исторические события – эпизоды крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева – привлекают внимание писателя не сами по себе, а в связи с раздумьями о состоянии русского общества, точнее – с вопросом о взаимоотношениях между дворянством, к которому принадлежал сам Пушкин, и народом. Социальная идея «Капитанской дочери» может быть сформулирована следующим образом:

в рамках одной нации дворянство и простой народ разошлись так далеко, что их представители перестали понимать друг друга.

Таким образом, мы видим жанровое своеобразие пушкинского романа: с одной стороны, он представляет собой хронику дворянской семьи Гриневых, а с другой – историческое произведение. Иначе говоря, «Капитанская дочка» – социально-исторический роман. В нем тесно переплетены и одинаково важны семейные и исторические проблемы. Историческое содержание является «рамой» для вымышленной семейной истории.

Изображение картин народного бунта и его вождя Е. Пугачева

А.С. Пушкин в полном соответствии с исторической правдой показывает социальный и национальный состав охваченных восстанием народных масс. Среди них мирные казаки, крепостные крестьяне, малые народности – киргизы, калмыки, башкиры.

Цели движения определяются в общих чертах не какой-либо четкой политической программой, а вековыми народными ценностями, такими, как свобода, земля, протест против насилия, бесправия. «Хороший» царь должен осуществить эти цели. Стихийность движения отражена в романе в полном соответствии с действительностью. Движение отвечает интересам широких масс, поэтому не только крепостные крестьяне и казаки, но и солдаты царской армии переходят на сторону Пугачева.

Пугачева в романе Пушкин показывает довольно противоречивой личностью. С одной стороны – это безжалостный бунтовщик, он не щадит никого, жестоко и без мук совести расправляется с противниками. Но с другой стороны,

все это он делает исходя из чувства справедливости. Он смог завоевать доверие народа, повести за собой крестьян, вселить в них веру и надежду. Он мудр и проницателен. Он здраво расценивает свои силы и способен трезво оценивать ситуацию в любой обстановке. Во многом Емельян понимает всю неизбежность трагического исхода бунта. Но он справляется со своими тревогами, не дает воли эмоциям.

Только сильный человек может повести за собой массы. Пугачев смог заслужить любовь народа. Он знал, когда нужно быть настоящим, а когда играть на публику. Он играл роль царя в угоду народу, который хотел верить в царя-заступника. На самом деле Пугачев – тонкий психолог, который на интуитивном уровне знает, как воздействовать на народ. Он увлекается игрой, раздавая своим приближенным громкие титулы. Но в разговоре с Гриневым признается, что он самозванец, сравнивает себя с Гришкой Отрепьевым.

Средства создания образов Е. Пугачева и Екатерины II

Екатерина и Пугачев – сопоставимые образы, сходные не только потому, что это два реальных исторических деятеля, которых изобразил Пушкин, но и по функции, которую они выполняют в тексте. Гринева милует сначала один самозванец, потом он попадает в руки к другому (Екатерина – самозванка на русском престоле, ее фавориты убили Петра III). В результате мы видим полную симметрию. Оба героя при своем первом появлении оказываются неузнанными: Пугачев – это вожатый, который выводит Гринева через метель на прямую дорогу, Екатерина – неизвестная дама в обычном наряде, гуляющая по парку. Этот мотив переодевания очень важен. И Пугачев, и Екатерина предстают в нарядах обычных людей, что может говорить о том, что в каждом из них есть человечность.

Когда Маша оказывается в беде, ее с помощью Пугачева спасает Гринев; когда в беде Гринев, его с помощью императрицы спасает Маша. Эти герои выполняют функции героев-помощников волшебной сказки. Они позволяют Гриневу и Маше выбраться из безвыходных ситуаций.

И Екатерина, и Пугачев проявляют жестокость, но, в то же время, бурных чувств ярости эти герои не испытывают. Ими, скорее, движет некая необходимость, связанная с логикой войны. Этой логике войны нет никакого дела до отдельно взятого человека с его бедами или радостями.

Но, начавшись с подаренного заячьего тулупчика Пугачеву, добро начинает приумножаться, и Пугачев, невзирая на логику войны (иначе бы он приказал убить Гринева как перебежчика, когда тот обратился к нему за помощью), помогает герою вызволить Машу из плена Швабрина. В этот момент в Пугачеве проявляется человечность и чувство благодарности за милость, оказанную ему Гриневым (заячий тулуп). Это закон, который стоит выше всякой вражды. То же происходит и в параллельной сцене с Екатериной, где Маша просит императрицу о помощи в освобождении суженого. Императрица помогает дочери капитана Миронова, сложившего за нее свою голову. И две противоборствующие силы – Емельян и Екатерина – посреди ужасной бойни, бедствий и страданий, несмотря на вражду, помогают влюбленным.

Можно сказать, что Екатерина в данном случае не так величественна, не так грандиозна в своих поступках, как Пугачев. Пугачев великодушен, она всего лишь справедлива: ей не за что наказывать Гринева, он всегда был ей верен, а те мелкие нарушения дисциплины, которые он совершил, не заслуживают смертной казни. Но для Пушкина важно, чтобы в устроении счастья людей совместились самые разные

духовно-нравственные ценности: доброта, благодарность, доверие и великодушие, совесть и честь, милосердие и справедливость. И эти ценности соединяются с силой государственной и народной власти, которые и олицетворяют Екатерина и Пугачев. Поэтому Пушкин не принимает ни одну из сторон. Пугачев при всей своей привлекательности (он обладает колоритным ярким характером) – злодей, и автор это не ретуширует.

Гринев – рассказчик и Гринев – герой повествования

По мнению Пушкина, рассказчиком должен был стать человек порядочный и честный. Именно по этой причине рассказчиком стал Петр Гринев. Гринев-герой, он же повествователь, предстает перед нами в молодости и в зрелом возрасте и, соответственно, в двух ролях.

Избирая форму дневникового повествования, Пушкин намеренно субъективировал рассказ Гринева и тем самым допускал некоторую «сказочность» восприятия им вспоминаемых событий: и отъезд из дома, и плутание по миру (в бурани), и поиск пути (направо, налево, прямо), и помощник вожатый, и сон (сны), и одаривание, и запреты, и их нарушение, и испытания – в том числе добывание невесты, и счастливое возвращение домой – всё что формирует сюжетный каркас «Капитанской дочки».

Петр Гринев, выступающий в роли героя и участника описываемых событий, – молодой офицер, представитель старинного дворянского рода. Он вырос в семье, где высоко ценились честь и достоинство человека. Пушкинского героя отличают такие черты мировоззрения и характера, как искренняя вера в Бога, в Его благой промысел, верность долгу, чувство собственного достоинства, храбрость и мужество в жизненных испытаниях, доброта, душевная щедрость, способность к искреннему чувству, верность в любви

и одновременно легкомыслие, неопытность, подчас вспыльчивость.

Гринев-повествователь – это уже не пылкий юноша, а умудренный жизненным опытом пятидесятилетний человек, отец многочисленного семейства. Гринева-повествователя отличают несомненные литературные способности, проявившиеся уже в юности, чувство юмора, дар иронии, склонность к философским обобщениям, но главное – искренность и честность.

Известное высказывание *«Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!»* принадлежит повествователю Петру Гриневу. Характер этого восклицания отражает ужас испуганного крестьянским восстанием героя романа. Но в то же время в этих словах, если взять их в контексте, отражено отношение не только к крестьянскому движению: «Правление было повсюду прекращено, помещики укрывались по лесам. Шайки бунтовщиков злодействовали повсюду; начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и миловали; состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно... Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!»¹². Здесь выражена мысль о сопровождающей восстание анархии и о том обстоятельстве, что начальники правительственных войск «самовластно» наказывают и милуют. Отношение же писателя к восстанию и его руководителю выясняется из всего хода повествования: Пугачев вызывает симпатии читателя, а восстание в целом изображено так, что оно выступает перед нами как объяснимое и неизбежное движение народных масс за освобождение от угнетения и помещичьего произвола. Но А.С. Пушкина пугала стихий-

¹² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. VI.. С. 349.

ность движения, неизбежная жестокость борьбы, он видел «бессмысленность» бунта, в котором единый народ разделен на две враждебных группы, где свои убивают своих же. Ужас восстания выражается в отказе от всяких моральных норм: пугачевцы разрешают себе грабеж, насилие, убийства – они уничтожают изнутри свою же страну, и это страшно. Народ – это неразумная стихия, которая с легкостью готова принять любую сторону.

Авторский эпиграф к роману гласит: *«Береги честь смолоду»*. Эти слова проходят через весь роман и отражают его основную идею – сохранение чести, порядочности в непростых для любого человека обстоятельствах. Сохранить право называться человеком в условиях войны. Слова, вынесенные в эпиграф, в романе звучат как наставление отца Андрея Петровича сыну Петруше. «Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду», – говорит он¹³. Петруша с честью проходит через все испытания, уготованные ему судьбой. Капитанская дочка Маша Миронова выступает в произведении как символ того, чего нельзя лишиться, как символ чести. Поэтому Гринев, нарушив присягу, рискуя своей жизнью, едет ее спасать.

Народ взбунтовался, он хочет свергнуть власть, потому что «живая власть для черни ненавистна». В таких условиях единственной опорой для человека может быть только честь и исполнение своего долга перед государством, перед родителями и перед самим собой. У Гринева нет выбора, потому что для человека чести поведение предписано. Он может поступить только тем единственным способом, кото-

¹³ Там же. С. 262.

рым велит ему поступать это чувство. Поэтому он и говорит Пугачеву: «...жизнью моей рад бы заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести»¹⁴. Над судьбой человека Пугачев властен, а над честью – нет. Это сила, которая противостоит стихии толпы с ее жестокостью, безумством и несправедливостью.

Эта же сила спасает Петра Гринева от гибели. Каждый раз, когда он должен сделать выбор – совершить бесчестный поступок или погибнуть, – в его жизнь вмешивается что-то, что сохраняет ему жизнь, потому что Гринев делает выбор в пользу чести. И в результате герой не только сохраняет жизнь, но и обретает свое счастье с Машей Мироновой.

История испытаний главного героя очень важна для А.С. Пушкина, размышляющего о чести дворянина. Герой даже перед лицом гибели должен оставаться верен долгу. Ю.М. Лотман писал: «Для Пушкина в «Капитанской дочке» правильный путь состоит не в том, чтобы из одного лагеря современности перейти в другой, а в том, чтобы подняться над «жестоким веком», сохранив в себе гуманность, человеческое достоинство и уважение к живой жизни других людей. В этом для него состоит подлинный путь к народу»¹⁵. И именно эта идея как нельзя лучше отражена в эпилоге произведения.

¹⁴ Там же. С. 341.

¹⁵ Лотман Ю.М. Идейная структура «Капитанской дочки» // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990 / Ю.М. Лотман. Санкт-Петербург: Искусство, 1995. С. 227.

Владимир Иванович Даль (1801–1872)

Первоначальное профессиональное образование будущий автор «Толкового словаря великорусского языка» В.И. Даль получил в петербургском Морском кадетском корпусе, где учился вместе с Д.И. Завалишиным и П.С. Нахимовым. По окончании учебы он в чине мичмана был определен на службу на Черноморский флот, а затем переведен на Балтийский. Однако вскоре ему пришлось сменить профессию, поскольку, по признанию самого Даля, его укачивало в море.

Продолжил свое образование Даль в Дерптском университете на медицинском факультете, живя в нужде и давая уроки русского языка. Полного курса обучения ему пройти не удалось – в 1828 г. началась Русско-турецкая война, и в числе нескольких студентов Дालю предложили досрочно сдать экзамен на доктора медицины. После защиты диссертации он отправляется в качестве военного врача во 2-ю действующую армию, где, будучи при военном госпитале, приобретает навыки профессионального хирурга.

За годы пребывания в Дерпте В.И. Даль установил дружеские отношения с Н.М. Языковым, И.Ф. Мойером, В.А. Жуковским, Н.И. Пироговым, А.Ф. Воейковым.

Тяга к сочинительству, интерес к русскому слову проявились у Даля еще во время пребывания в Морском корпусе. В 1830 г. в журнале «Московский телеграф» появляется его первая повесть «Цыганка», о жизни и быте молдавских цыган, а в 1832 г. в Петербурге А.Ф. Смирдин выпускает «Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казак Владимиром Луганским. Пяток первый», которые принесли Дालю (*Казак Луганский* – псевдоним) заслуженную литературную славу. Однако по требованию цензуры тираж

книги был изъят, и лишь один из уцелевших экземпляров писатель успел подарить А.С. Пушкину. Друзья посоветовали Даля на время уехать из столицы, подальше от глаз III Отделения; в 1833 г. военным губернатором в Оренбург направлялся В.А. Перовский – родной брат писателя Антония Погорельского, друг В.А. Жуковского, состоявшего в приятельских отношениях с А.С. Пушкиным, П.А. Вяземским, Н.М. Карамзиным, А.Ф. Воейковым, В.Ф. Одоевским.

Определенная доля случайности в том, что имя Даля вошло в историю Оренбуржья, конечно, есть. Однако знаковое место В.И. Даля в развитии этого края вполне закономерно и обоснованно. Он пробудил интерес русского общества к степной природе России, познакомил русскую читающую публику с уральскими народными сказками и песнями, с яркой и меткой народной речью. Оренбургский период в жизни и творческой деятельности Даля занимает особое положение: в 1833 г., приехав в Оренбург в возрасте 32 лет, он был еще только начинающим писателем; на момент отъезда в 1841 г. – известным литератором благодаря произведениям, печатавшимся в лучших отечественных журналах и высоко оцениваемым В.Г. Белинским.

На оренбургский период жизни приходится и избрание В.И. Даля членом-корреспондентом Академии наук за исследования в области естествознания (1838). Академик Я.К. Грот вспоминал, что, начиная с 1830-х гг., имя Даля – как и его псевдоним *Казак Луганский* – было в русском обществе одним из самых популярных. В Оренбурге В.И. Даль провел лучшие годы жизни, написав здесь большую часть своих рассказов и повестей. В Оренбуржье было сделано основное пополнение языковых материалов будущего «Словаря».

Будучи лексикографом и диалектологом, В.И. Даль не мог не стать этнографом и фольклористом. Он писал в автобиографии: «Во всю жизнь свою я искал случая поехать по Руси, знакомился с бытом народа, почитая народ за ядро и корень, высшее сословие за цвет или плесень, по делу глядя...» [10, с. 18]. Разъезжая по обширной губернии как чиновник особых поручений, обследуя положение в Башкирии, в Уральском казачьем войске, фиксировал этнографические особенности, фольклор края. Собранный им материал был использован и в «Пословицах русского народа», и в «Словаре», и в его художественных произведениях. Считается, что прекрасное знание русского фольклора послужило основой литературного творчества В.И. Даля – неслучайно его писательская деятельность началась с такого фольклорного жанра, как сказка.

Служба в Оренбурге и связанное с ней обилие уральских впечатлений определили специфику литературных занятий Даля этого периода. С 1834 по 1839 г. в «Библиотеке для чтения» Даль публикует 16 сказок. Сказки выстраиваются по канве народной фантастической сказки, но теперь на разных уровнях произведения находит отражение местный, восточный, колорит. Например, в сказке «О Строевой дочери и о коровушке Буренушке» (1835) действие происходит в «стране привольной», и героиня, 16-летняя падчерица Палаша, рассказывает своим сестрам восточную сказку «Как Мурза набегал на станицы казацкие». Традиционные сказочные образы и сюжетные ситуации «обрастают» реальными бытовыми деталями.

Петр Павлович Ершов (1815–1869)

В первой половине 1830-х гг. на столичную литературную арену выходит целый ряд талантливых художников слова, представляющих разные регионы России. Самобытный уральский писатель П.П. Ершов дебютировал вместе с Н.В. Гоголем и А.В. Кольцовым.

С выходом первой цензурной редакции «Конька-Горбунка» в 1834 г. ближайший литературный круг П.П. Ершова, оказавший ему содействие в публикации сказки, анонсировал читателям ее автора как писателя с сибирским происхождением. Так, О.И. Сенковский в редакционной заметке, предваряющей журнальную публикацию в «Библиотеке для чтения», представляет неизвестного публике «юного сибиряка», завершающего свое образование в Санкт-Петербургском университете.

Первым писателем с отчетливо нестоличной, региональной «пропиской», заявившим о себе на уровне «большой» литературы, был малороссиянин Н.В. Гоголь. Появление П.П. Ершова на общероссийской литературной арене ознаменовало включение Урало-Сибирского региона в литературный процесс страны в качестве самостоятельного его участника.

В эти годы Ершову предстояло не только испытать литературный успех в кругу старшего поколения мастеров слова, к которому относились В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, П.А. Плетнев, П.А. Катенин и др., но и ощутить ревность к успеху со стороны ровесников, пережить упреки в ложности эстетических задач, в частности, от В.Г. Белинского.

Судьба была безжалостна к молодому Петру Ершову: летом 1833 г. в командировке по служебным делам (г. Херсон) умирает его отец, в середине августа 1834 г. умирает брат Николай, спустя месяц после того, как братья окончили

университет и получили степень кандидата. Фанатично верующему в провидение Ершову всё это представляется знаками судьбы, наказанием за грехи и амбиции. Материальное положение семьи существенно осложняется, надежд на связи отца не остается. Заболевшая мать воспринимает Петербург как откровенно чужой город, уносящий жизни родных, и побуждает сына возвратиться в Сибирь, где можно рассчитывать на материальную поддержку ее братьев.

Ершов не хочет уезжать, но, в конце концов, уступает уговорам, и 30 июля они возвращаются в Тобольск, где через двадцать с половиной месяцев мать умирает. Так в 23 года П.П. Ершов теряет всех своих родных.

Понимая неизбежность отъезда из столицы и оттягивая этот момент, писатель вступает в сложную переписку с профессором университета А.В. Никитенко, бывшим цензором первого издания его сказки, рассчитывая на его содействие. Он пытается как бы «обменять» свою литературную известность и готовность вернуться на «малую родину» на официальные полномочия в Сибири и повышенное материальное довольствие, т. е. совместить две должности – корреспондента, пишущего для столицы о культуре и быте народов Зауралья, и учителя.

Факт личной встречи Ершова с А.С. Пушкиным зафиксирован в воспоминаниях его студенческого товарища А.К. Ярославцова, опубликованных в 1872 г., и с тех пор является основным источником для последующих интерпретаций этого события: «Покойный А.С. Пушкин, прочитав эту сказку, отозвался, между прочим, Ершову – как рассказывал он сам: “Теперь этот род сочинений можно мне и оставить”». Слова эти впоследствии, через несколько лет уже, подтвердил мне лично и бывший при том случае у Пушкина покойный барон Е.Ф. Розен. Пушкин заявил в то же время намере-

ние содействовать Ершову в издании этой сказки с картинками и выпустить ее в свет по возможно дешевой цене в огромном количестве экземпляров, для распространения в России; но, при недостаточных средствах автора и по случаю смерти Пушкина, намерение это не выполнилось» [35, с. 118].

Первая же публикация отрывка из «русской сказки» П.П. Ершова сопровождалась положительной оценкой редакции «Библиотеки для чтения» (1834, № 5): «...читатели сами оценят его достоинства и силу языка, любезную простоту, веселость, обилие удачных картин, между которыми заранее поименуем одну – описание конного рынка, картину, достойную стоять в ряду с лучшими местами русской легкой поэзии». Весьма положительно на выход сказки отзывалась и газета «Северная пчела». Жанрово-стилевые и стихотворные особенности произведения юного сибиряка достаточно точно соответствовали стилю «легкой поэзии» той поры.

Второе издание сказки (1840 г.) вызвало иронический отклик рецензента «Отечественных записок» М.Н. Каткова, критиковавшего сюжетный вымысел, постановку ударений в словах, неизящность «фраз», а также высказавшего прямой упрек в невозможности читателям понять текст. При этом Катков не отрицал, что в сказке Ершова проглядывает и истинно смешное.

«Отечественные записки» не оставили без внимания и третье издание «Конька-Горбунка», вышедшее в 1843 г., однако упреки рецензента В. Краевского на сей раз были адресованы уже к издателям, якобы предлагающим юным читателям сказку с сомнительной назидательностью: «Жили-были три брата: двое старших работали, сеяли пшеницу, возили ее продавать в город – и ни в чем не преуспели.

Не дал им Бог счастья, как обыкновенно говорится. Младший, дурак, лентяй, который только и делал, что лежал на печи и ел горох и бобы, стал богат и женился на Царь-девице. Следственно, глупость, тунеядство, праздность – самый верный путь к человеческому счастью. <...> Хороша назидательность!».

Немаловажным ориентиром для Ершова при написании «Конька-Горбунка» была пушкинская поэма «Руслан и Людмила», которая синтезировала в себе различные жанровые начала – волшебную сказку, ироикомическую поэму и др. Именно с этим сочинением стремился соперничать студент Ершов, противопоставляя Руслану своего Ивана. Как и автора «Руслана и Людмилы», его привлекала эпоха князя Владимира. Пушкинский счастливый финал, где отец принимает в объятия дочь и победившего всех врагов Руслана, был не только ритуальным, но и символизирующим духовно-историческую перспективу страны. Тема воссоединения семьи лежит и в основе пушкинской «Сказки о царе Салтане». Центральным событием жизни П.П. Ершова в Тобольске было создание новой – ставшей впоследствии канонической – версии сказки «Конек-Горбунок», а также заявленное автором в переписке намерение перейти от стихов к прозе.

Д.Н. Мамин-Сибиряк о Челябинске

С 1877 по 1891 год Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1852–1912) проживал на Урале, сначала в Нижней Салде, затем в Екатеринбурге. После возвращения из Москвы в Екатеринбург сразу же отправился с женой в поездку по Южному Уралу: писателю было необходимо кумысолечение. Дорога на Каслинский завод – одна из живописнейших на южноуральской земле. Не раз и не два в произведениях

Мамина-Сибиряка промелькнет челябинский тракт, ездить по которому одно удовольствие.

С Марией Якимовной, верной спутницей своей жизни, он отправлялся частенько в степи на кумысолечение, с екатеринбургским художником В.Г.Казанцевым забирался в красивейшие уголки Южного Урала. Это был его родной Урал-батюшка со своей суровой природой и такими же суровыми людьми. Свои неизгладимые впечатления о поездках писатель оставил в бесчисленных путевых записках, а из записок часть из них переключивалась в его повести и романы.

Д.Н. Маминым-Сибиряком написано немало произведений о самом Челябинске (тогда уездном городе, входившем в Оренбургскую губернию) и области. Челябинские краеведы утверждают, что это не менее 50 произведений. В самых ранних очерках писателя «От Урала до Москвы», напечатанных в «Русских ведомостях» в октябре 1881 года, уже есть информация о Челябинске. О плодородных ее землях далеко разлеталась народная молва, до самого Севера. Но жизнь в Челябинске оказалась горше, чем на уральских заводах и приисках.

В очерке «Екатеринбург – Тагил» («Русские ведомости», № 312) читаем: «Я находился в отличном расположении духа. Последняя станция от Токтубаевской станицы к городу Челябинску (Оренбургской губернии) представляла собой что-то необыкновенное, точно мы целых тридцать верст ехали по широкой аллее какого-то гигантского парка. Колеса мягко катились по утрамбованному песчаному грунту, кругом две зеленых стены из столетних берез, чудный летний вечер – одним словом, что-то уж совсем фантастическое...».

Город спал глубоким сном, когда кучер Андроныч и Мамин въезжали в Челябинск, а было всего-то 10 часов вечера. Постоялый двор оказался таким топким, что Мамин сравнивал его с болотом. Лошади увязли по колено, – оставив Андроныча, Мамин все-таки попытался найти квартиру. Постоянно обо что-то спотыкался, и его прекрасное настроение исчезло в одно мгновение. Благодаря этим впечатлениям появился рассказ «Ночёвка» (1891).

На Южный Урал Дмитрий Наркисович наведывался очень часто. Побывал в Тюбуке, Каслях, Кыштыме, Аллахе, Карабаше, Куяше, Миассе, Златоусте, Михайловске, Тургояке, Кундравинской станице, Кочкаре и в других местах. Он любовался Вишневыми, Ильменскими горами (Богородскими, Сугурскими), Таганаем, горным узлом Юрмой, поднимался на гору Иремель. Его внимание привлекали озера, особенно Увильды, Силач, реки Аткус, Теча, Синара. В рассказе «Мертвое озеро» читаем: «Я особенно волновался, потому что слухам насказал своему спутнику про озеро Увельды всяческих чудес, а так кто сам не видел его, то рассказы и слухи могли и не оправдаться, что случается нередко. Мой спутник, известный художник Владимир Гаврилович Казанцев ехал со специальной целью рисовать этюды для своих пейзажей... <...> Когда озеро разделось от ночного тумана, я мог рассмотреть в подробностях развертывавшуюся картину. Наша сайма стояла в береговой впадине. Кругом ее обошел смешанный лес. Перед саймой блестел на солнце “двор”, т. е. небольшое озерко, соединявшееся с настоящим озером протоками “трубой”» [21]. Часто в произведениях Дмитрия Наркисовича встречается описание челябинского тракта: «Живя на Урале, я особенно любил поездки на юг от Екатеринбурга, по так называемому челябинскому тракту. Отъедешь каких-нибудь сто верст, а картина уже совсем

другая»; «...А как хорошо, когда быстрый летний дождь sprysнет всё кругом, и оплодотворенная степь точно закурит ароматом своих цветов, трав и маленьких кустиков степной березы, тальника и вербы» (из очерка «На большой дороге»). Мамин-Сибиряк не только мастерски описывал южноуральские пейзажи, но и сообщал читателям много полезной информации: «Это Вишневые горы, покрытые дикими вишневыми, во время поспевания ягод являются сборным пунктом всевозможных зерноядных птиц. Сюда же являются на это время хищные птицы и четвероногие хищники. Затем горы служат каким-то таинственным сборным пунктом для диких коз» (из очерка «Мертвое озеро») [21].

А.П. Чехов на Урале

Поездка Антона Павловича Чехова на остров Сахалин хорошо задокументирована, писатель сам выпустил одноименную книгу. Но то, что по пути он заехал в Екатеринбург, знают далеко не все. Из Екатеринбурга он отправил письмо, в котором поделился своими впечатлениями от Урала, отнюдь не приятными. Личного письма Чехова современники не увидели, а вот мы, их потомки, можем открыть собрание сочинений и прочитать о впечатлениях писателя от реки Камы, уральских поездов, городов и людей.

В то время писатель плохо себя чувствовал, погода была отвратительная, весенняя слякоть и пр., отсюда и эмоциональная окрашенность его писем: преобладают ирония, ехидство, сарказм и почти старческое брюзжание. Временами узнается Антоша Чехонте:

«Кама – прескучнейшая река. Чтобы постигать ее красоты, надо быть печенегом, сидеть неподвижно на барже около бочки с нефтью или куля с воблой и не переставая тянуть сиволдай. Берега голые, деревья голые, земля бурая,

тянутся полосы снега, а ветер такой, что сам черт не сумеет дуть так резко и противно.

Когда дует холодный ветер и рябит воду, имеющую теперь после половодья цвет кофейных помоев, то становится и холодно, и скучно, и жутко; звуки береговых гармоник кажутся унылыми, фигуры в рваных тулупах, стоящие неподвижно на встречных баржах, представляются застывшими от горя, которому нет конца.

Камские города серы; кажется, в них жители занимаются приготовлением облаков, скуки, мокрых заборов и уличной грязи – единственное занятие...

На пристанях толпится интеллигенция, для которой приход парохода – событие. По-видимому, ни один из них не получает больше 35 рублей, и, вероятно, все лечатся от чего-нибудь.

Плыл я до Перми два с половиной года – так казалось. Приплыл туда в 2 часа ночи. Поезд отходил в 6 часов вечера. Пришлось ждать. Шел дождь. Вообще дождь, грязь, холод... бррр! <...>

Уральская дорога везет хорошо, хотя и приходится переваливать через Уральские горы. Это объясняется избытком здесь деловых людей, заводов, приисков и проч., для которых время дорого <...>

В России все города одинаковы. Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула. Похож и на Сумы, и на Гадяч. Колокола звонят великолепно, бархатно.

Здесьние люди внушают приезжему нечто вроде ужаса. Скуластые, лобастые, широкоплечие, с маленькими глазами, с громадными кулачищами.

Родятся они на местных чугунолитейных заводах, и при рождении их присутствует не акушер, а механик. Входит в номер с самоваром или с графином и, того гляди, убьет.

Я сторонюсь. Сегодня утром входит один такой – скуластый, лобастый, угрюмый, ростом под потолок, в плечах сажень, да еще к тому же в шубе. Ну, думаю, этот непременно убьет. Оказалось, что это А.М. Симонов. Разговорились. Он служит членом в земской управе, директорствует на мельнице своего кузена, освещаемой электричеством, редактирует «Екатеринбургскую неделю», цензуруемую полицеймейстером бароном Таубе, женат, имеет двух детей, богатеет, толстеет, стареет и живет «основательно» <...>

Проснувшись вчера утром и поглядев в вагонное окно, я почувствовал к природе отвращение: земля белая, деревья покрыты инеем и за поездом гонится настоящая метелица. Ну, не возмутительно ли? Не сукины ли сыны?..

Калош у меня нет, натянул я большие сапоги и, пока дошел до буфета с кофе, продушил дегтем всю Уральскую область. А приехал в Екатеринбург – тут дождь, снег и крупа. Натягиваю кожаное пальто.

Извозчики – это нечто невообразимое по своей убогости. Грязные, мокрые, без рессор.

Передние ноги у лошади расставлены так, копыта громадные, спина тощая... Здешние дрожки – это аляповатая пародия на наши брички. К бричке приделан оборванный верх, вот и всё. И чем правильнее я нарисовал бы здешнего извозчика с его пролеткой, тем больше бы он походил на карикатуру.

Ездят не по мостовой, на которой тряско, а около канав, где грязно и, стало быть, мягко. Все извозчики похожи на Добролюбова.

На улице снег, и я нарочно опустил занавеску на окне, чтобы не видеть этой азиатчины. Сiju и жду ответа из Тюмени на свою телеграмму. Телеграфировал я так: «Тюмень. Пароходство Курбатова. Ответ уплачен. Уведомьте, когда

идет пассажирский пароход Томск» и так далее. От ответа зависит, поеду ли я на пароходе или же поскачу полторы тысячи верст на лошадях, по распутице.

Всю ночь здесь бьют в чугунные доски. На всех углах. Надо иметь чугунные головы, чтобы не сойти с ума от этих неумолкающих курантов» [6].

Справедливости ради нужно сказать, что интонация и содержание наблюдений Чехова кардинально меняются во время уральского путешествия 1902 года.

О Д.Н. Мамине-Сибиряке Чехов отзывался так: *«Больше всех нравится в здешних краях Сибиряк-Мамин, описывающий Урал. О нем говорят больше, чем о Толстом...»*

Когда я читал маминские писания, то чувствовал себя таким жиденьким, как будто сорок дней и сорок ночей постился. ...Мамин принадлежит к тем писателям, которых по-настоящему начинают читать и ценить после их смерти. И знаешь, почему? Потому что он свое творчество не приурочивал к преобладающему направлению...» [33].

Николай Георгиевич Гарин-Михайловский (1852–1906)

На стене Челябинского железнодорожного вокзала висит мемориальная доска, напоминающая о том, что здесь находилось управление Западно-Сибирской дороги, в строительстве которой деятельное участие принимал инженер Михайловский. В 1886 году он прибыл на Урал, где, проводя изыскания на участке Уфа – Златоуст, спроектировал тоннель, принесший миллионную прибыль. Н.Г. Михайловский руководил работами на участке Челябинск – Обь, ему город обязан своим новым статусом. Он снискал репутацию преуспевающего инженера, дворянина, барина. Михайловского награждали, удостоивали высокими аудиенциями. При этом

Николай Георгиевич не скрывал своих крамольных для того времени политических убеждений. Сначала был близок к народникам, потом сотрудничал в социал-демократических журналах, помогал революционерам. Он понимал: в России многое необходимо менять. Это ощущается и в его книгах, которые многократно переиздавались в советское время и не забыты сегодня. Революцию Н.Г. Михайловский считал прорывом из рутины к новым открытиям. Такие устремления он ценил и в инженерной практике, и в общественной жизни. Недаром Максим Горький называл его веселым праведником.

Вторым «я» инженера была литература. Хотя известным писателем он стал уже после сорока, опубликовав «Детство Темы» – повесть, открывшую России нового тончайшего прозаика, который публиковался под псевдонимом Гарин. За воспоминаниями о детстве последовали новые произведения. Главное литературное достижение Гарина – тетралогия, четыре повести о Карташеве: «Детство Темы» (1892), «Гимназисты» (1893), «Студенты» (1895), «Инженеры» (1907). Во всех частях тетралогии органически переплетаются темы воспитания и образования, нравственные и мировоззренческие проблемы. Писателю удается психологически достоверно изобразить стремление молодых людей к независимости при их неподготовленности к самостоятельной жизни, отсутствии навыков самообразования, «книжности» многих представлений о жизни. Его герой человечески интересен и неповторим в своей индивидуальности. Карташев – герой рефлектирующий, способный заглянуть в себя, осмыслить свои желания, настроения и порывы. Значение тетралогии состоит и в описании выхода героя к трудовой деятельности, самораскрытия личности в

творческой практике инженерной работы. В этом смысле образ Караташева можно назвать автобиографическим.

Корней Чуковский видел суть Гарина-Михайловского «в сочетании высокого строя души с практицизмом... Он единственный из современных ему беллетристов был последовательным врагом бесхозяйственности, в которой он и видел источник всех наших трагедий. В своих книгах он часто твердил, что Россия совершенно напрасно живет в такой унижительной бедности, так как она богатейшая в мире страна» [34, с. 219].

ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

I. Познакомьтесь с фрагментами романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка»¹⁶. Как они помогают ответить на вопрос о причинах жестокости?

Текст 1

Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого росту, тощ и сгорблен; но узенькие глаза его сверкали еще огнем. «Эхе! — сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 году. — Да ты, видно, старый волк, побывал в наших капканах. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослал?»

¹⁶ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. VI. Ленинград: Наука, 1978. С. 289.

Старый башкирец молчал и глядел на коменданта с видом совершенного бессмыслия. «Что же ты молчишь? — продолжал Иван Кузмич, — али бельмес по-русски не разумеешь? Юлай, спроси-ка у него по-вашему, кто его подослал в нашу крепость?»

Юлай повторил на татарском языке вопрос Ивана Кузмича. Но башкирец глядел на него с тем же выражением и не отвечал ни слова.

— Якши, — сказал комендант, — ты у меня заговоришь. Ребята! сымите-ка с него дурацкий полосатый халат да выстрочите ему спину. Смотри ж, Юлай: хорошенько его!

Два инвалида стали башкирца раздевать. Лицо несчастного изобразило беспокойство. Он оглядывался на все стороны, как зверок, пойманный детьми. Когда ж один из инвалидов взял его руки и, положив их себе около шеи, поднял старика на свои плечи, а Юлай взял плеть и замахнулся, — тогда башкирец застонал слабым, умоляющим голосом и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок.

Когда вспомню, что это случилось на моем веку и что ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия. Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений.

Все были поражены. «Ну, — сказал комендант, — видно, нам от него толку не добиться. Юлай, отведи башкирца в анбар. А мы, господа, кой о чем еще потолкуем».

Текст 2

«Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На ее перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке веревку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузмича, вздернутого на воздух. Тогда привели к Пугачеву Ивана Игнатъича. «Присягай, — сказал ему Пугачев, — государю Петру Феодоровичу!» — «Ты нам не государь, — отвечал Иван Игнатъич, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, вор и самозванец!» Пугачев махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника...

Наконец Пугачев встал с кресел и сошел с крыльца в сопровождении своих старшин. Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей. Два казака взяли его под руки и посадили на седло. Он объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него. В эту минуту раздался женский крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздетую донага. Один из них успел уже нарядиться в ее душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, белье и всю рухлядь. «Батюшки мои! — кричала бедная старушка. — Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузмичу». Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. «Злодеи! — закричала она в исступлении. — Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!» — «Унять старую ведьму!» — сказал Пугачев. Тут молодой казак ударил ее саблею по голове, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачев уехал; народ бросился за ним».

II. Подготовьте доклад с презентацией на одну из предлагаемых тем:

1. Первые писатели Челябинска: М. Ястребов, В. Протасов, А. Туркин.

2. В.К. Кюхельбекер на Урале.

3. А.С. Пушкин на Урале; «История Пугачева» (глава 6).

4. В.И. Даль на Урале.

5. П.П. Ершов и его сказка «Конек-Горбунок».

6. Д.Н. Мамин-Сибиряк о Челябинске.

7. В.А. Жуковский на Урале.

8. Н.Г. Гарин-Михайловский – литератор.

9. И. Куратов – основоположник коми литературы.

10. Мажит Гафурий – классик башкирской литературы.

11. Габдулла Тукай – классик татарской литературы.

РАЗДЕЛ 2

ЛИТЕРАТУРА ЮЖНОГО УРАЛА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Радикальные преобразования во всех областях общественной жизни, последовавшие за победой пролетарской революции, существенно изменили социальный состав писателей. Решительный поворот к современной действительности стал требованием времени. Произведения южноуральских писателей были прочно связаны с историей страны и ее насущными проблемами.

Юрий Николаевич Либединский (1898–1959)

Ю.Н. Либединский был одним из зачинателей советской литературы. Повесть «Неделя» молодой писатель создал по горячим следам трагических событий, происшедших в Челябинске в 1921 году. В. Маяковский назвал ее «художественным протоколом революционных событий», отразившим жестокость Гражданской войны. В 1922 году книгу «Неделя» напечатали в Москве. Она стала первой книгой о революции и гражданской войне в молодой советской стране. «Неделя» сразу же сделала Либединского известным писателем, ее изучали в школах, много раз переиздавали.

Детство будущий писатель провел в поселке Тургояк на Урале, где отец служил врачом горнозаводского госпиталя. В 1909 году семья переехала в Челябинск, где родители принимали пациентов на дому. В 1910 году Ю. Либединский поступил в городское реальное училище. Литературой начал заниматься в реальном училище, принимал участие в издании ученического литературного журнала «Первые

шаги», писал рассказы под псевдонимом *Ю. Логан*; публиковался с 1921 года. Участник Гражданской войны на Урале, Ю. Либединский служил политруком. Осенью 1920 года вернулся в Челябинск, служил в политотделе губвоенкомата, работал в газете «Челябинский рабочий». Активный деятель групп «Октябрь», один из руководителей РАПП, он в июне 1937 года был исключен из партии за троцкизм (восстановлен в 1939 году). С начала Великой Отечественной войны Ю. Либединский ушел в ополчение, после войны жил во Владивостоке.

Ю.Н. Либединский – автор повестей «Неделя» (1922), «Комиссары» (1925), романов «Завтра» (1923), «Поворот» (1927), «Рождение героя» (1930), «Баташ и Батай» (1940–1941), военных очерков и рассказов. Повесть «Неделя» была написана как бы в ответ Борису Пильняку. Вот как писал об этом сам Либединский: «Вот какой ты видишь революцию – мысленно говорил я Пильняку, – а она вот такая. Тебе уездный городишко в наши дни представляется кошмарным свинством, и ты это свинство принимаешь за революцию, а он – этот уездный городишко – оваян ветрами классовой борьбы, оваян всей мировой революцией, он сейчас насквозь героичен – вот они, эти герои современности...» [16].

«Неделя» ставит ряд проблем, которые потом начинает разрабатывать вся пролетарская литература, в частности, идея проверки и переделки человеческого материала. В повести перед читателем проходит ряд образов, характеризующих разные прослойки авангарда пролетариата и разные социальные слои, начиная от крепкого рабочего-партийца, чекиста Горных, неустойчивого, с тяжелым грузом «накладных эмоциональных расходов», интеллигента Мартынова и кончая первым в советской литературе образом приспособленца Матусенко. Несмотря на незавершенность ряда этих

образов, они выражают одну из основных творческих тенденций пролетарской литературы: стремление к конкретно-реалистическому изображению человека как «совокупности общественных отношений». Соединение драматического момента с сильной лирической тенденцией резко отличает Ю. Либединского от других пролетарских писателей, например, А. Фадеева. Ряд глав «Недели» написан ритмованной прозой. Приведем небольшой отрывок из повести: «В просветы перламутровые, промеж сырых недвижимых куч облаков, синее радостное небо. Три дня солнечна была весна, ручьи ломали сугробы и несли их за город, к реке, улицы стали шумны и грязны. На четвертый же день весна задремала, положила голову на колени и, сидя, уснула где-то на далекой лесной поляне, и только один раз к полудню солнце улыбнулось земле и снова ушло за неподвижные тучи. Но весенняя радость осталась, только стояла она позади всего, словно солнце за серыми, синими и бело-лиловыми облаками, что часами висят над землею, как серые, мокрые камни...» [16, с. 5].

О Челябинске начала XX века Ю.Н. Либединским написана книга, адресованная подросткам – «Воспитание души».

Лидия Николаевна Сейфуллина (1889–1954)

Л.Н. Сейфуллина родилась в с. Варламово (сегодня это Чебаркульский район Челябинской области). В 1919–1921 годах работала библиотекарем в Челябинске и писала пьесы для организованного ею детского театра. Л. Сейфуллина была в числе первых писателей молодой Советской страны. Революция в провинции с ее высвобождением стихийного в массах людей – вот что привело Л. Сейфуллину к писательству. Одной из первых она запечатлела свои наблюдения в художественной форме. Л. Сейфуллина дости-

гает подлинной художественной силы при изображении простых, близких к природе людей, она пишет о переменах, происходящих с крестьянином в выбитой из колеи деревне («Перегной»), о трагической судьбе женщины-крестьянки в обстановке послереволюционной смуты («Виринея»).

Но как учительницу, ее прежде всего волновало положение детей. Книга «Правонарушители» была написана почти одновременно с «Неделей» Либединского. В 1922 году в журнале «Сибирские огни» повесть увидела свет.

Повесть «Правонарушители» ценна не только правдивостью, достоверностью, но и ярко выраженным гуманистическим пафосом. В ней Л. Сейфуллина выступила не просто талантливым бытописателем, но и человеком, глубоко переживавшим трагедию беспризорничества, чувствовавшим себя лично ответственным за судьбы попавших в беду детей, чем вызывала у читателя ответную тревогу за будущее подрастающего поколения.

В основу повести легли фактический материал и наблюдения, почерпнутые Лидией Николаевной в Тургорякской детской колонии, с организатором и начальником которой – Михайловым (в рассказе он выступает под фамилией Мартынов) она была дружна.

В «Правонарушителях» Сейфуллиной удалось нащупать в ходе повествования нерв правды и социального оптимизма, того социального оптимизма, ничего не имеющего общего с лживым приукрашиванием действительности, а основанного на правдивом проникновении в самые трудные и нелицеприятные явления повседневности.

Повесть была восторженно встречена читателями и критикой, ее включили в школьную программу, бесплатно рассылалась по всей стране вместе с Инструкцией по борьбе

с беспризорностью. Высокую оценку произведению даст в последующем писатель, педагог, крупнейший советский организатор системы образования А.С.Макаренко. «Это небольшой рассказ, – читаем в газете “Правда” (1954, 30 апреля), – тем не менее он сыграл очень важную роль, гораздо более важную, чем “Педагогическая поэма”. Почему? Потому, что в этом рассказе впервые, и довольно неожиданно и смело, были высказаны истины о правонарушителях, составлявшие аксиому. Что это за аксиома? Читая рассказ, вы во всём тексте, от первой до последней строчки, чувствуете, как звучит глубокая искренняя вера в человека, вера в то, что не может быть прирожденной преступности, вера в лучшие человеческие качества, – уверенность, которая теперь уже для нас составляет несомненную истину»¹⁷.

Став известной писательницей, создавшей такие яркие для того времени произведения, как «Четыре главы» (1922), «Перегной» (1922), «Правонарушители» (1922), «Каин-Кабак» (1926), «Налет» (1927), она не теряла связи с родным Уралом. Нарком просвещения А.В.Луначарский назвал Лидию Николаевну «знаменитой нашей уралкой», и писательница не раз с гордостью это подтверждала: «Я – коренная уралка».

Лидия Николаевна всегда приходила на помощь своим товарищам по перу. В 1935 году письмо А. Ахматовой, адресованное Сталину, было передано через Сейфуллину и ее мужа, и арестованные муж и сын были освобождены. Сейфуллина единственная из всех проголосовала против

¹⁷ Памяти советской писательницы Лидии Сейфуллиной // Правда: газета. – 1954, 30 апреля. – URL: kprf.ru (дата обращения: 07.11.2024).

исключения из Союза писателей драматурга Афиногенова, и когда ее упрекнули за это, ответила: «Я никогда не пойду против совести, никогда, хотя бы мне грозила смерть». Когда в 1946 г. после известного Постановления ЦК критика буквально обрушилась на М. Зощенко и А. Ахматову, потрясенная Л.Н. Сейфуллина написала от своего имени и отправила письмо Сталину, но отклика на это письмо не последовало.

Павел Петрович Бажов (1879–1950)

Павел Петрович Бажов прославился как автор сказов по мотивам уральского фольклора. Произведения о Хозяйке Медной горы, Даниле-мастере и других персонажах вошли в сборник «Малахитовая шкатулка». В этих историях автор соединял сказочные сюжеты с описанием реального быта горняков, который был знаком ему с детства.

Учитель русского языка Павел Бажов во время летних каникул ездил по округе и собирал местный фольклор. Особенно его интересовали предания, которые рассказывали рабочие уральских заводов. Он записывал короткие рассказы из их жизни, изучал быт мастеров и историю горной промышленности Урала. В годы Гражданской войны весь архив этих материалов погиб. Многие детали писатель восстанавливал для своих произведений по памяти.

В 1930-х П.П. Бажов вновь стал собирать фольклор. В поездках он обращался к «заводским старикам» – так прозаик называл людей, которые несколько десятков лет работали на заводах. Горные мастера часто получали увечья, многие оставались инвалидами – их переводили на легкий труд: они служили сторожами, кладовщиками. Старики рассказывали предания, которые слышали еще от своих дедов, и дополняли их собственными деталями.

Печатать сказы в журналах Павел Бажов начал в середине 1930-х. В 1939 году вышел сборник «Малахитовая шкатулка». Изначально книга состояла из 14 сказов, затем Бажов дополнял ее произведениями из других циклов.

В некоторых из сказов повествование ведет вымышленный рассказчик, дедушка Слышко. Его прототипом стал сторож заводского склада Василий Хмелинин, который рассказывал Бажову много историй. Речь дедушки Слышко автором дополнена множеством диалектизмов и профессиональной лексикой горных рабочих.

Один из главных сказочных образов в творчестве писателя – Хозяйка Медной горы, или Малахитница. В цикл о ней входят десять сказов, в том числе «Каменный цветок», «Горный мастер», «Травяная западенка», «Малахитовая шкатулка». Эта героиня – дух Уральских гор, хранительница ценных минералов. В сказах она появлялась перед рабочими как нарядная девушка: *«А одежда и верно такая, что другой на свете не найдешь. Из шелкового, слышь-ко, малахиту платье. Сорт такой бывает. Камень, а на глаз как шелк, хоть рукой погладить»*. Волосы ее Бажов описывает так: *«Коса ссиза-черная и не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине. На конце ленты не то красные, не то зеленые. Сквозь светуют и тонко этак позванивают, будто листовая медь»* [3]. Малахитница в сказах могла показаться и в виде ящерицы с короной, а иногда герои слышали только ее голос.

Из уральского фольклора в сказы Бажова пришел персонаж Великий Полоз – хозяин земных сокровищ, огромный змей с короной на голове. *«Сила ему такая дана: золото, какое он пожелает, к себе в землю притягивать»*, – читаем в сказе «Золотой волос».

Встречаются в сказах писателя и другие персонажи народных преданий, например, девка Азовка, которая охраняет клады горы Азов. Она упоминается в сказе «Дорогое имячко». Об Азовке рассказывали по всему Уралу. По одной версии, ее считали духом татарской царевны, по другой – пленницей, которую прокляли после смерти и превратили в духа-сторожа.

Во время Великой Отечественной войны писатель продолжал ездить в удаленные рабочие поселки, встречался с местными старожилами, исследовал историю горных заводов, жизнь мастеров, изучал письменные источники, фиксировал важные события, записывал имена и прозвища. Бажов собирал присловья – выражения в речи, которые употребляли для украшения или шутки, а также побасенки и поговорки. Одновременно редактировал книги по краеведению и газеты, создавал очерки и повести. Он тщательно работал над черновиками: переписывал по многу раз.

По мотивам сказов П.П. Бажова сняты кинофильмы. В 1946 году вышел «Каменный цветок» режиссера Александра Птушко – одна из первых полнометражных цветных картин в Советском Союзе. По мотивам сказов появились рисованные и кукольные мультфильмы: «Синюшкин колодец», «Серебряное копытце» и другие. Сказы Бажова занимают важное место в школьной программе по литературе.

1930-е годы с их гигантскими стройками – Магниткой, Челябинским тракторным заводом – выдвинули целую плеяду замечательных поэтов. Среди них широко известны Борис Ручьев и Людмила Татьяничева, чьи произведения включены во все программы по литературе. Их творческая биография начиналась на Магнитострое.

Рабочая поэзия Магнитки 1930-х годов¹⁸

В атмосфере энтузиазма первых пятилеток обретает свое место поколение поэтов 1920-х годов: А. Безыменский работает на Сталинградском тракторном, сварщиком на электрозавод идет работать И. Сельвинский, писательская бригада, в составе которой Н. Тихонов и В. Луговской, едет в Туркмению для проведения «большевицкой весны» 1930 г. В советскую поэзию вливается поток молодых пролетарских поэтов, среди которых А. Твардовский, А. Сурков, Б. Ручьев.

Ширится движение прежде неграмотных и малограмотных масс к освоению старой и созданию новой культуры. Глубинные социальные процессы вызвали в сентябре 1930 года совместное постановление секретариата РАПП и ВЦСПС «Призыв рабочих-ударников в литературу». Согласно этому постановлению, печатные органы центральных и периферийных ассоциаций пролетарских писателей выделяют так называемые «страницы ударников», где публикуются первые, преимущественно стихотворные, опыты начинающих авторов. Так, в одном из номеров Магнитогорский литературно-художественный журнал помещает стихотворение московского ударника Ивана Сибиряка «Рабочий поэт», где описываются «муки творчества»:

Эх ты, ночка, любимая ночка!
Будь-ка доброй хоть раз – подскажи,
Как в корявых,
Размеренных строчках
Показать мне бурлящую жизнь.

¹⁸ Маркова Т.Н. Рабочая поэзия Магнитки 1930-х годов // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 3: Материалы III Всерос. науч. конф. «Литература Урала: автор как творческая индивидуальность (национальный и региональный аспекты)». В 2 т. Т. 2. Екатеринбург: Союз писателей, 2007. С. 79–87.

Не родился,
Не вырос поэтом,
А так хочется радостно петь!
Про цветущие дни пятилеток,
Про заводы, про уголь, про медь!¹⁹

А рядом другой «опус» молодого магнитогорского автора Якова Вохменцева, который противопоставляет «мещанской», «болезненной» лире С. Есенина свою «песню»:

Чем ветер неистовой *хамит*,
Чем лютее холодная ночь,
Тем хочется больше стихами
Воспеть индустриальную мощь.
От маленьких, сказочных лестниц
До самой высокой трубы.
Вот где рождается песня,
Иначе не должно и быть²⁰.

Приход ударников в литературу в качестве первоочередной ставил задачу ликвидации элементарной неграмотности, безвкусицы, голого пафоса. Неизбежным следствием было снижение «средней» стиховой культуры. Советская литература могла оказаться перед угрозой утраты эстетического критерия. Опасность усугублялась тем, что в некоторых периферийных ответвлениях РАПП лозунг был воспринят буквально. Так, УралАПП развернула целую кампанию по призыву: в середине ноября 1930 года заводским комитетам и рудкомам были даны директивные указания по организации литкружков на местах²¹. Руководство пошло еще дальше: оно высказалось за необходимость перестройки рядов ассоциации по производственному принципу. И тем

¹⁹ За Магнитострой литературы. 1933. № 1. С. 12.

²⁰ Там же. С. 17.

²¹ Рост. 1931. № 1. С. 84.

не менее даже эти явные перегибы не дают основания по-рицать положительное значение движения ударников литературы, принесшего не только количественные, но и качественные изменения в молодую советскую литературу.

На Уралмаше и ЧТЗ, в Златоусте, Перми и Березниках еще задолго до призыва ударников возникали литературные кружки. С ними связаны творческие судьбы таких уральских поэтов, как Николай Куштур (Санников), Михаил Львов, Виктор Губарев, Константин Реут, Василий Вохменцев, Георгий Троицкий и другие.

Движение «ударников искусства» в таком индустриальном крае, как Урал, имело крупномасштабный характер. По данным, опубликованным в журнале «Рост» за 1931 год, УралАПП насчитывала 736 членов, из которых 81 % рабочих с производства²². В рабочих литературных кружках 30-х годов, организованных на крупнейших заводах и стройках Урала, начинали свой творческий путь А. Авдеенко, М. Гроссман, М. Люгарин, Б. Ручьев, Л. Татьяничева и др.

Одним из интереснейших явлений литературной жизни Магнитки 30-х годов было движение «ударников», возникшее в результате постановления секретариата РАПП. В 1930 году Василий Макаров, направленный в Магнитогорск по партийной путевке из Свердловска, где руководил литературной группой «На смену!», организовал при редакции газет «Магнитогорский рабочий» и «Магнитогорский комсомолец» группу «Буксир», которая очень скоро заняла ведущее место в уральском литературном движении.

Поначалу она объединяла 5 начинающих писателей и 26 служащих и учащихся. В 1931 году в ней занималось 60 человек, в 1932 – 150, преимущественно строители и металлурги. В группу вошли Борис Ручьев, Александр Вороши-

²² Рост. 1931. № 4.

лов, Михаил Люгарин, Анатолий Панфилов, Валентин Сержантов и др. Позднее группу пополнили К. Мурзиди, А. Авдеенко, М. Гроссман, Вяч. Дробышевский, Я. Вохменцев, Л. Татьяничева, Н. Кондратковская.

Сегодня стал уже библиографической редкостью журнал «Буксир» (с 1932 года – «За Магнитострой литературы»), который издавали начинающие магнитогорские писатели. Пожелтевшие от времени страницы хранят славную историю этого литературного объединения.

Различны были пути магнитогорских поэтов-ударников. Со Сталинградского тракторного прибыл на Магнитострой кузнец А. Ворошилов; из села Звериноголовского Курганской области через Москву лежала дорога на Магнитку Б. Ручьева и М. Люгарина; оставив учебу, приехал сюда же П. Хорунжий; покинул родное Черноморье К. Мурзиди; исходяв пешком пол-России, пришел к горе Магнитной Я. Вохменцев; Л. Татьяничева до Магнитостроя училась на рабфаке Свердловского института цветных металлов.

Различны были уровни образования и литературной подготовки, жизненного и творческого опыта начинающих писателей. В. Михайлов имел уже творческий и организаторский опыт, тогда как А. Ворошилов – бывший беспризорник, Б. Ручьев (Кривошеков) вырос в семье интеллигентных, широко эрудированных людей, с детства познакомился с лучшими произведениями русской народной и классической поэзии, а сыну бедняка М. Люгарину (Заболотному) довелось пройти только трудовые «университеты». Магнитогорский литературный кружок для большинства его участников стал первой серьезной поэтической школой, а Василий Макаров – первым литературным наставником.

Занятия литкружка «Буксир» (позднее «кабинета рабочего автора») посвящались изучению основ литературно-

го мастерства, познание которого начиналось со знакомства с видами поэтических произведений, важнейшими законами стихосложения, чтения и в буквальном смысле разбора произведений классиков (через учебу у классиков шло освоение классических традиций), современников и собственных образцов. Практиковались творческие отчеты и обсуждения произведений кружковцев, литконсультации и дискуссии. В. Макаров ориентировал начинающих литераторов на «живой показ конкретных носителей бодрости и большевистской воли», а не на «создание голых схем ударников, пересказ достижений, декламаций о гигантах»²³.

Росту мастерства молодых авторов способствовало общение с многочисленными гостями легендарной стройки. На строительстве Магнитогорского металлургического комбината побывали несколько делегаций советских и зарубежных художников и журналистов. Одним из первых стройку посетил Демьян Бедный. «Раньше за песнями ехали в Москву, а сейчас за песнями надо ехать из Москвы», – говорил он, выступая перед строителями комбината накануне 1 мая 1931 года. – На Магнитострой едут писатели за бодростью, как пчелы на мед»²⁴. Перед самым отъездом поэт написал стихотворение «Новые времена – новые песни»:

На Урал! Там зреет чудо
Под Магнитною горой.
В Первомайский день не худо
Посмотреть Магнитострой,
А потом трубить победу:
Вот где песен я набрал.
До свиданья, братцы! Еду
От «Известий». На Урал.²⁵

²³ За Магнитострой литературы. 1932. № 4–5. С. 23.

²⁴ Магнитогорский рабочий. 1931. 3 мая.

²⁵ Бедный Д. Собр. соч. Москва: ГИХЛ, 1954. Т. 4. С. 55.

Немалую пользу принесли молодым литкружковцам беседы с Д. Бедным. Вопросы писательского мастерства, литературной учебы, отношение к классикам и современности, работа в газете – всё интересовало начинающих литераторов, и Д. Бедный с готовностью отвечал: «Вы спрашиваете, как я отношусь к лозунгу “одемянивания” в литературе? От этого лозунга я открещиваюсь; нахожу, что это слишком узкий лозунг. У меня, понятно, есть свой опыт, но это не исчерпывает опыта других, который тоже можно учесть. В то же время у меня много ошибок. “Большевизация” пролетарской литературы – вот о чем должна идти речь!»²⁶. Д. Бедный призывал молодежь «напрячь все силы, весь талант, чтобы сделать агитки художественными, заражающими, волнующими, зовущими вперед». (Сегодня видится полным анахронизмом идея отождествления «призыва ударников в литературу» с ультрарадикальными демагогическими лозунгами «одемянивания литературы», «союзник или враг»²⁷.)

С Магниткой связаны многие замечательные страницы творчества известных советских писателей, рождение замечательных произведений, которым суждено было войти в историю советской литературы. В эти годы в Магнитогорске побывали В. Катаев, А. Малышкин, К. Паустовский, Б. Горбатов, А. Гайдар, Н. Погодин, А. Завалишин и др.

Внимательно следила за работой магнитогорских писателей Лидия Сейфуллина. На вторую годовщину литературной организации она прислала телеграмму:

«Дорогие товарищи! Поздравляю с двухлетием существования вашего журнала “За Магнитострой литературы”. Два года на стройке – срок значительный, хорошая, утвер-

²⁶ Буксир. 1931. № 4. С. 9.

²⁷ См.: Кулинич А.В. Русская советская поэзия 30-х годов. Киев, 1962. С. 5.

ждающая пользу начинания дата. Желаю всем сотрудникам журнала расти, крепнуть, верно проложить “огневой наш путь”, как определяет его ваш поэт В. Макаров. А себе самой желаю не отставать от вас на этом пути, не только числиться, а быть вашим современником. “Как бы лето ни было горячим, осенью нахлынут холода” (М. Люгарин). Хорошо, что нашу возрастную осень прогревает бодрость вашей весны. Верным товарищеским пожатием жму ваши руки»²⁸.

Необходимо особо отметить связь магнитогорской писательской организации с М. Горьким. Еще в апреле 1931 г. третья областная конференция УралАПП, выбрав М. Горького почетным членом президиума, отправила ему телеграмму с приглашением посетить строительство Урало-Кузнецкого комбината. Видимо, в ответ на это приглашение Горький написал известное письмо «Рабочим Магнитостроя и др.», опубликованное в газете «Правда». Магнитогорцы гордились тем, что их писательская организация носит имя М. Горького и Горький лично подписывал членские билеты Б. Ручьева, В. Макарова, М. Люгарина.

Уже в 1932–33 гг. имена магнитогорских поэтов стали известны всесоюзному читателю. Вышли коллективные сборники «Рабочий призыв», «Рождение чугуна»²⁹, «Весна Магнитостроя»³⁰, стихи В. Макарова «Огни соревнования»³¹ (в Свердловском издательстве), в Москве – первая книжка Б. Ручьева «Вторая родина»³².

²⁸ Магнитогорский комсомолец. 1932. 30 ноября.

²⁹ Рождение чугуна. Свердловск: Уралогиз, 1932.

³⁰ Весна Магнитостроя. Москва: Молодая гвардия, 1931.

³¹ Макаров В. Огни соревнования. Свердловск: Огиз, 1933.

³² Ручьев Б. Вторая родина. Свердловск: Огиз, 1933; Ручьев Б. Вторая родина. Москва: Советская литература, 1933.

Выступая на Втором производственном совещании поэтов 17 апреля 1932 года, Алексей Сурков подчеркнул: «Ведь это факт, что магнитогорское строительство рядом с ростом нового завода знаменует нам и рост местного отряда пролетарской литературы и пролетарской поэзии. Это совершенно закономерное и типичное для нашего сегодняшнего периода явление, что в этом Магнитогорске, который возник на голом месте, в течение более года существует литературный журнал, объединяющий вокруг себя большую группу рабочего творческого актива»³³.

По убеждению Горького, когда речь идет о начинающих авторах, оценка единственно с точки зрения художественной преждевременна; на этом этапе важнее, считал Горький, определить, несет ли входящий в литературу из жизни новое в чувствах, мыслях, отношении к миру.

Молодая советская поэзия привнесла ряд образов, реалий, эпизодов и красок, как будто отнюдь не возвышенных, но настолько зримо передающих состояние души ее творцов, что эти образы неизбежно приобретали эстетическое значение. Новые идеалы искали воплощения в новых звуках и пропорциях. Рождалась эстетика борьбы и труда. Прославление даже в космических пределах освобожденного труда, революционного подъема, энтузиазма отражало эмоциональную атмосферу крупномасштабного социального переворота. Пролетарские поэты стремились утвердить как «вечную тему», как источник бытия, красоты, счастья повседневную деятельность советских тружеников.

«Мы были романтикам и мечтателями – первые строители и поэты тридцатых годов Магнитостроя. Суровые будни строительства мы озаряли своей юношеской мечтой и

³³ Цит. по: Заманская В., Заманский Л. Страстное слово поэта // Урал. 1974. № 6. С. 67.

фантазией. Поэтому многие стихи, написанные в этот период, были наполнены неистребимой страстью увидеть близкое и далекое будущее нашего города, нашу будущую жизнь. Это помогало нам и нашим сверстникам жить, работать, расти в те, ныне уже далекие и трудные, героические годы первых пятилеток», – вспоминает время своей юности Б. Ручьев³⁴.

Бесспорно, поэтика Пролеткульта оказала определенное влияние в конкретно-образной области на магнитогорских поэтов. Например, оно ощутимо в таких приемах, как очеловечивание механизмов (у В. Макарова: «Машина – энтузиастка. Она стальной большевистской масти»), прямое заимствование некоторых сквозных образов («железные цветы» у А. Гастева, «запестрели васильками гвозди, гвозди, как цветы» у М. Люгарина) и т. п. Но такая переключка не затеяла нового направления рабочей поэзии Магнитки. Учитывая опыт предшественников и современников, молодые поэты неуклонно шли по пути сближения с реальной действительностью, преодолевая абстрактность в изображении эпохи и строителя нового мира.

Вялое, рефлектирующее слово было неприемлемо для них, увлеченных общей патетикой стройки, стремящимся передать ее ритм, ее дыхание. Выступая на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, Ю. Олеша говорил: «Я мог ехать на стройку, жить на заводе среди рабочих, описать их в очерке, даже в романе, но это не было моей темой, которая шла от моей кровеносной системы, от моего дыхания...»³⁵. Для магнитогорских авторов, как и для многих других

³⁴ Уральская новь. 1965. Июнь. С. 32.

³⁵ Выступление Ю. Олеша // Первый Всесоюзный съезд советских писателей: стенографический отчет. – Москва: Художественная литература, 1934. С. 235–236.

поэтов-современников, это было их органической темой, а первая пятилетка – порой поэтического рождения. Новое понимание и отражение труда утверждалось главным эстетическим принципом их поэзии. Как известно, 1930-е годы пробудили этот процесс в разных сферах искусства: в прозе (В. Катаев, А. Малышкин, М. Шагинян), драматургии (Н. Погодин, А. Завалишин), живописи (А. Дейнека, Б. Иогансон) и др.

Творческие устремления певцов Магнитостроя наиболее близки той школе, которую мы связываем с именем Ярослава Смелякова. Это у него мы впервые встречаем такое любовное, интимное отношение к труду: «По утрам, спецовку одевая, мы летим. И, будто на свиданье, нам немножко странно опоздать». Отсюда эстетизация предметов, ранее никем не относимых к категории прекрасного: «синие, как небо» халаты девушек в машинном цехе, «золотые от загара руки любимой, привыкшие к турникам, да и сама его рабочая муза – в юнгштурмовке суровой, красной косынке, «с лопатой, взятой на плечо, и «Полиграммой» под мышкой»³⁶. Предметом поэзии становится жизнь строек, цехов, быт фезеушников, рабфаковцев. Ярослав Смеляков окончательно утверждает в правах на свое место в искусстве «индустриальный пейзаж», совершенно справедливо полагая, что в его время с красотой земли сливается красота ее преобразований и преобразователей. В 1932 году Я. Смеляков пишет:

Я хочу, чтобы в моей работе
сочеталась бы горячка парня
с мастерством художника, который

³⁶ Смеляков Я. Точка зрения. Москва, 1932. С. 22, 296.

всё-таки умеет рисовать³⁷.

Общность творческих установок поэтов Магнитки и Я. Смелякова сделала их большими друзьями, особенно после визита «огоньковцев» в Магнитку весной 1932 года, прибывших вместе с выездной редакцией журнала «Молодая гвардия» на объявленный магнитогорским комсомолом и писательской организацией «смотр молодежной литературы».

Много лет спустя, размышляя о таланте, Я. Смеляков скажет: «Под этим словом понимаю не только случайную одаренность, но и выражение само сущности, самых сокровенных ценностей, “принесенных временем”»³⁸. На необходимости отражения главного в сегодняшнем дне настаивал автор книги «Работа и любовь» в письме В. Макарову, написанном 26 декабря 1932 года в связи с выходом его сборника «Огни соревнования»: «Нужно бороться и уметь доказать, что любовь к матери и родине, умение понимать природу у настоящего строителя социализма неразрывно связано с работой... Иначе весь быт его, все его чувства ни в коем случае не будут качественно новыми»³⁹. В дружеском послании «огоньковцев» «Привет ударникам Магнитостроя» эта мысль афористически выражена так:

Мы знаем, что самое главное – это
Почувствовать самое главное,
Мы знаем, что самое главное – это
Не то, что гуляет река,
А то, что ребята несут пятилетку

³⁷ Там же. С 54.

³⁸ Смеляков Я. Воспоминанье. 1950.

³⁹ Смеляков Я. Письмо поэту Макарову // За Магнитострой литературы. 1933. № 1. С. 18.

В надежных и верных руках.⁴⁰

И в полном согласии с «огоньковцами» звучит ответное утверждение поэтов-ударников:

Трудный фронт
Магнитостроя
Что ни декада,
Что ни день
Рождает тысячи героев,
Кроит по-новому людей.
И это главное.
Об этом,
О тех, кто переделал труд,
Пусть песни явятся ответом,
Которые у нас растут!⁴¹

В поэзии Магнитостроя можно выделить *два стилевых течения*. *Первое* связано с новой инструментовкой стиха, характеризуется агитационно-пафосным характером, продолжает традиции советской поэзии, связанные с именем В. Маяковского. Так выражали свою мысль В. Макаров, А. Ворошилов, П. Хорунжий. Их вдохновляли мировые рекорды по укладке бетона, ударный труд строителей плотины, первая плавка первой домны. Безусловные достоинства поэзии В. Макарова: пафос, наступательный дух, страстность – имели, однако, и свою оборотную сторону. Увлечением самодовлеющим воспроизведением строительного процесса обусловлены перегруженность призывами, производственными терминами, конструктивными штампами.

⁴⁰ Поэты литбригады. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1969. С. 33.

⁴¹ Там же. С. 36

Заметным явлением в поэзии Магнитки воспринимается творчество Александра Ворошилова, которого называли «Магнитогорским Данко». Его поэма «Первая победа» имела большой успех. В 1931 году в московских сборниках «Весна Магнитостроя» и «Рабочий призыв» она была издана отдельной книжкой с предисловием Н.В. Богданова, в которой читаем: «Еще сыра, как свежий бетон, еще угловата, как первые дни строительства, но уже в ней видны контуры будущих замечательных произведений, которые создадут ударники, пришедшие в литературу»⁴².

В эпизодах, рисующих строительные работы, преобладает некий «телеграфный стиль».

Вторая поэма А. Ворошилова «Песня о мировом рекорде», как и роман В. Катаева «Время, вперед!», посвящена грандиозному в истории Магнитостроя событию – мировому рекорду по укладке бетона строительной бригады Хабибулы Галиулина. В эти годы В. Катаев полемически писал: «Разве бетономешалка системы Егера, на которой ударные бригады пролетарской молодежи ставили мировые рекорды, менее достойна сохраниться в памяти потомков, чем ржавый плуг гильотины?»⁴³. Такое сближение в высшей степени характерно для анализируемого периода.

Героический пафос времени свое выражение в поэзии находил в форме романтически-приподнятого, повышенно-экспрессивного, но зачастую поверхностного изображения действительности. Для поэзии 30-х годов характерно восприятие действительности как битвы за новую жизнь, отсюда и особенности образного строения, звучания, ритмики и самих названий. Позже такие особенности точно объяснил Б. Ручьев: «В эту пору нам, первым комсомольцам-строи-

⁴² Ворошилов А. Первая победа. Москва: Молодая гвардия. 1931. С. 3.

⁴³ Катаев В. Время, вперед! // Красная новь. 1932. № 1–10. С. 60.

телям нового комбината, был по душе язык воинов – грамматика фронтовиков; говоря о будничных заботах, мы со строгой гордостью произносили «бои в забоях», «битва за домну», «фронт работ», хотя время, по всем внешним приметам, было мирное. Многие из нас, по молодости своей, еще не только пороху не нюхали, но и винтовки в руках не держали, и на стройке были рядовыми самых немудреных строительных профессий. Но в общей жизни нашей, в планах и делах нашего Магнитостроя было величие цели и революционная суть времени. Словом, будни строительства по духу и настроению равнялись праздниками»⁴⁴.

В жанровом отношении молодые поэты отдавали предпочтение мобильным формам: произведениям-репортажам, оперативкам на злобу дня. К середине 30-х годов в поэтизации трудового подвига всё более ощутимой становится тяга к сюжетности, к конкретной исчерпанности материала. Это прежде всего относится к П. Хорунжему и Б. Ручьеву.

Второе стилевое направление связано с ориентацией на фольклор и классический стих, частично на полемически освоенную традицию С. Есенина, параллельно с демократизацией стихотворного языка. Оно представлено именами Б. Ручьева, М. Люгарина, Л. Татьянической. Конечно, между двумя стилевыми потоками нет никакой демаркационной линии, но всё-таки центр тяготения существует. Так, у Ручьева есть типично лозунговые стихи («Ударный манифест»), но даже в строках о «второй родине» преобладают песенно-лирические интонации и фольклорные образы или формы безыскусной сердечности в традиционной стиховой структуре. Эстетическое освоение новой деятельности шло здесь посредством органичных, естественных, наглядно,

⁴⁴ Ручьев Б. Собр. соч. В 2 т. Т 1. Челябинск, 1978. С. 191.

предметно-живописно выражающих поэтическую мысль. Подобное вживание в новую среду не было безболезненным. «...Непосредственное, искреннее переживание своего «отхода», отрыва от деревни, – пишет критик Д. Стариков о Михаиле Люгарине, – еще конфликтовало с чувством иной радости, с восторгом перед простыми, кажется, но удивительными и исполненными для деревенского парня самого высокого значения проявлениями мощи индустриального труда»⁴⁵. Об этом же сказал сам поэт:

Теперь я жизнь
Встречаю по-иному,
Хоть трудно мне
Бывает иногда, –
Моей деревни
Голубая дрема
Порой меня
Сбивает со следа⁴⁶.

Подобного разлада не было у Б. Ручьева, «вторая родина» стала единственной своей, кровной, и новая трудовая программа сама собой становится программой эстетического, поэтического «открытия мира». Сближение таких, казалось бы, несопоставимых категорий, как «весна» и «рабочая бригада», пробуждение природы и рождение новой трудовой энергии первостроителей, заключено в стихотворении «Ровесники получают премии»:

Залежи сугробные
с бездорожьем вровень
выкипели, вытаяли –
и весна чиста.

⁴⁵ Стариков Д. Борис Ручьев. Москва: Советская Россия, 1969. С. 31–32.

⁴⁶ Поэты литбригады. С. 77.

про наши участки, которая стала бы
бригады и дни, жизни сродни...⁴⁹

Весьма характерным было для поэта сближение таких, казалось бы, несопоставимых образов, как ликующая песня весны и грохочущий оркестр завода, пробуждение природы и рождение новой трудовой энергии первостроителей:

День – сплошное золото,

.....

переправа солнца
в голубом бреду,
в грохоте завода
и в оркестрах города
жизнь кипит, как Волга,
на полном ходу...⁵⁰

Страстное жизнелюбие, романтическая устремленность в будущее в знаменитой «Песне о брезентовой палатке» торжествуют над трудностями и лишениями сурового, неустроенного быта первостроителей:

Под зимним брезентом
в студеных постелях
мы жили и стыли,
дружили и пели,
чтоб нам подымать
золотые костры
нетронутой славы
Магнитной горы⁵¹.

Новое звучание в стихах Ручьева получают многие традиционные тематические линии. Так, в «Песне о страда-

⁴⁹ Ручьев Б. Собр. соч. В 2 т. Т.1. С. 47.

⁵⁰ Там же. С. 39.

⁵¹ Там же. С. 93.

нии подруги» акцент в конфликте несчастной любви перенесен на преодоление страдания в обстановке дружеского участия к девушке. Особенно взволнованно воплощена тема природы. Ручьев убедительно сближает строго индивидуальный и трепетный природный пейзаж («Тополь», «Обоянка»), образ цветущей земли и мастеров «огненного ремесла». При сильном влиянии, какое оказала поэзия С. Есенина на молодого Ручьева, качественно иная эпоха, условия творчества способствовали полному снятию мотива противопоставления города и деревни. Ручьевская «первая родина» равняется по «второй»: «и там и здесь кипит работа-песня», «пот соленый чернит загар».

Характеризуя эмоциональный строй поэзии Ручьева тех лет, критик Л. Стариков совершенно справедливо связывает его с общей атмосферой эпохи: «Все без исключения стихи его 1934–1936 годов – от частушечных монологов, исполненных высокой и чистой поэзии, наивного, но необычайно чистого чувства, до романтически приподнятых и торжественных лирических деклараций, славящих богатства бескрайней Родины, красоту и мощь трудового подвига, страстной и верной любви – по-своему выражали, даже в преувеличениях и крайностях, раскованную радость новых, радужных надежд, новой, “соловьинной поры” в жизни страны и в жизни молодого поэта»⁵².

Для некоторых магнитогорских поэтов вживание в новую среду не было безболезненным. Как признавался М. Люгарин: «Моей деревни голубая дрема порой меня сбивает со следа». Сходные мотивы находим в стихах А. Лозневого, В. Белихова и др.

⁵² Стариков Д.В. Борис Ручьев: биография отдельного лица. Москва: Советская Россия, 1969. С. 31–32.

Известные трудности, правда, иного порядка испытала и Людмила Татьяничева. Они связаны с попыткой резко переключить «поэтический регистр» с лирического на патетический. В первых произведениях о Магнитке (например, «Магнитогорский марш») ей не хватало смелости обобщений, она пользовалась отстоявшимися словесно-образными решениями темы. Встречались и декларативные строки («Вгрызались в породу, круша динамитом упрямую толщу пород», или «Бесстрашно мы выйдем в бой» и т. п.), необыгранные повторы, невыразительная рифма (сполна – дела, скверы – гремели). Впоследствии о Магнитке ею будет написано немало значительно более удачных стихов, однако важность в широком мировоззренческом плане этого, начального для поэтессы периода неоспорима.

В поэзию Магнитки 1930-х годов стихи Людмилы Татьяничевой внесли мягкую, теплую эмоциональную струю, в них попытка проникновения во внутреннее состояние современников, в частности, женщины. Природа и труд, радость и страдания любви, семья, материнство – находятся в сфере внимания поэтессы, но все традиционные темы окрашены особым колоритом эпохи и конкретным колоритом уральского края. Интимный мир лирической героини Татьяничевой не выглядит камерным, он заполнен высокими помыслами и переживаниями. Мотивы ее творчества созвучны общему пафосу строительства и преобразования. Именно это качество понималось Татьяничевой как сущность нового мироощущения. Будучи сотрудником редакции газеты «Магнитогорский рабочий», она не раз выступала с критическими статьями по вопросам литературы и искусства. И в одной из них отмечала в произведениях молодых поэтов Магнитки отсутствие конкретных образов и в то же время мажорность общего настроения: «Много техниче-

ски слабых, незрелых стихов. Но зато нет ни одного стихотворения, которое по содержанию своему было бы овеяно пессимизмом. Все стихи наполнены радостью, подлинно советским оптимизмом»⁵³.

В стихах поэтов, нами отнесенных ко второму стилевому направлению, шире и объемнее представлен внутренний мир строителя: противоречивость сознания крестьянского паренька, пришедшего на стройку, зарождение и утверждение новых, коллективистских отношений между людьми, поэтизация дружбы и любви, основанных на общности целей и интересов, – одним словом, показ становления, мироощущения человека-труженика в лучших произведениях Ручьева, Татьяничевой и других магнитогорских поэтов дается развернуто и мотивированно.

Разнообразие, непохожесть индивидуальных почерков поэтов литбригады им. М. Горького во многом определили своеобразие поэзии Магнитки как литературного явления. Оценка К. Зелинским поэзии Б. Ручьева, нам думается, может быть отнесена к магнитогорской рабочей поэзии 30-х годов в целом: «Как ни подходить к этим стихам, нельзя в них отрицать двух вещей: во-первых, что эти стихи являются очень характерным документом, иллюстрирующим и объясняющим идеологические процессы, совершающиеся в среде рабочей молодежи... Во-вторых, стихи Ручьева свидетельствуют о том, что в нем есть то, что мы называем поэтическим голосом, есть темперамент, а главное, внутренняя цельность»⁵⁴.

⁵³ Татьяничева Л. Песни, рожденные жизнью // Магнитогорский рабочий. 1938. 15 июля.

⁵⁴ Зелинский К. Стихи магнитогорского поэта // Литературный критик. 1934. № 2. С. 189.

«Детская болезнь» декларативности прошла с годами. От очерковости к более полной разработке проблем, к психологически углубленным характеристикам, прочувствованным поэтическим обобщениям – таков путь возмужания уральской рабочей поэзии.

Литературное общество студентов пединститута «Снежное вино»

В первый послевоенный 1946 год в Челябинске возникает литературный кружок, его участниками стали студенты-филологи педагогического института Освальд Плебейский, Борис Брук, Владимир Левицкий, историк Геннадий Сорокин.

«Снежное вино» – название стихотворения А. Блока из цикла «Снежная маска». Таким способом студенты акцентировали символистскую направленность своего творчества. Подобные литературные опыты выходили за границы допустимого политикой партии. Со стороны участников общества «Снежное вино» выбор подобного названия и направления явился своеобразной формой культурного протеста против идеалов господствовавшего метода – социалистического реализма.

В первом номере альманаха кружковцы так изложили свою позицию: «Стремление к чему-то далекому, смутным блеском сияющему в туманной дали искусства, стремление выйти из рамок сухой действительности в необозримый океан новизны и свободы натолкнуло нас на мысль создать “Снежное вино”. И далее: «...К какому берегу пристанет наш фантастический корабль страстных мечтаний и горьких разочарований, к радужным ли берегам сочувствия, или

разобьемся о мрачные утесы холодного равнодушия, но лучше вспыхнуть и умереть, чем жить тлея!»⁵⁵.

Литературное общество «Снежное вино» могло стать для его членов той школой, какой в свое время стал «Арзамас» для его участников, если бы не арест членов общества по политическому обвинению в троцкизме. Судом им были определены разные сроки наказания – от 3 до 10 лет лишения свободы с последующим лишением гражданских прав. После возвращения из лагерей занятия литературой продолжили О. Плебейский, В. Левицкий и Б. Брук. Освальд Плебейский стал членом Союза писателей СССР. В Челябинске в 1968 г. вышла его книга «Откликной гребень»⁵⁶. В сборнике «Стихотворения», изданном в 1994 году, он опубликовал лагерьный цикл «В бесовских узилищах». Известным поэтом, прозаиком, автором и составителем нескольких десятков книг стал Владимир Левицкий. Сборник стихов «Муза в ГУЛАГЕ» Б. Брука, вышедший незадолго до его смерти, известен многим челябинцам⁵⁷.

Борис Александрович Ручьев (1913–1973)

В Магнитогорске есть удивительный памятник – символ Магнитки – «Палатка первых строителей Магнитогорска». Памятник открыт 9 мая 1966 года. На стилобате палатки отлиты в бетоне слова:

*Мы жили в палатке с зеленым оконцем,
Промытой дождями, просушенной солнцем,*

⁵⁵ Горький вкус снежного вина: трагедия в стихах, воспоминаниях и документах / сост. и ред. В. Черноземцев. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. С. 63.

⁵⁶ Плебейский О. Откликной гребень. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1966. 96 с.

⁵⁷ Брук Б. Муза в ГУЛАГЕ. Челябинск: Б.и., [1994]. 90 с.

*Да жгли у дверей золотые костры
На рыжих камнях Магнитной горы*⁵⁸.

Эти строчки из стихотворения «Песня о брезентовой палатке» принадлежат Борису Ручьеву, который был в свое время среди первостроителей легендарной Магнитки. Всё его творчество посвящено любимому городу. Не случайно его называли «Певцом Магнитки».

Как поэт Борис Ручьев дебютировал в 1932 году на II Всероссийском совещании молодых поэтов. В 1933 г. в Свердловске вышла первая книга стихов Б. Ручьева «Вторая родина», а в 1934 она была переиздана в Москве под редакцией Э. Багрицкого и А. Суркова. Летом 1934 года он стал делегатом сразу двух съездов писателей – в июне Всеуральского, а в августе – Первого съезда Союза писателей СССР, где он был торжественно принят в ряды Союза писателей СССР. В 1935 поэт поступил на заочное отделение Литературного института им. М. Горького. 26 декабря 1937 года Б. Ручьев был арестован в Златоусте по клеветническому обвинению в контрреволюционном преступлении и репрессирован. Он был осужден на 10 лет лишения свободы по 58-й статье. Свой срок заключения с 1938 по 1947 отбывал в лагерях на Крайнем Севере. В этих условиях создавалась поэма «Красное солнышко»⁵⁹.

В 1956 году Борис Ручьев был реабилитирован. Полный надежд и творческих замыслов, поэт вернулся в город своей юности – Магнитогорск. В 1958 году (спустя 24 года

⁵⁸ Ручьев Б. Собрание сочинений в двух томах / сост.: Л.П. Гальцева, Л.Н. Ручьева. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1978–1979. Т. 1. Стихотворения, статьи, речи, интервью, заметки, рецензии. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1978. С. 22.

⁵⁹ См.: Стариков Д.В. Борис Ручьев: биография отдельного лица. Москва: Советская Россия, 1969. 71 с.

после первой!) вышла его вторая книга стихов – «Лирика». В это время Ручьев начал работу над поэмой «Любава», посвященной Магнитострою. Последние годы жизни принесли поэту всесоюзную славу и любовь читателей; его новые поэтические сборники выходили из печати чуть ли не ежегодно, а стихи переводились на многие языки. В 1967 г. за цикл стихов «Красное солнышко» и поэму «Любава» поэт был удостоен Государственной премии РСФСР им. М. Горького.

 Молчание о любви в лирике Л. Татьяничевой (1915–1980)⁶⁰

У Людмилы Татьяничевой прочная, давно устоявшаяся репутация. Для наших современников она поэтесса, воспевавшая красоту и величие родного Урала, и удачливый деятель официальной советской литературы. Однако мало кто знает, что строгая «начальница челябинской поэзии», как однажды ее назвал журналист М. Фонотов, начинала, как все ее сверстницы, с трогательных стихов о любви.

По-девичьи взволнованно, светло и радостно звучит ее голос в поэтических опытах начала 1930-х – «Кто бы поверил», «Рассудите сами». Трепетное любовное волнение гордого девичьего сердца героини, стоящей «на пороге взрослости» – главный мотив стихотворений «Подари мне шелковый платок», «Я дорогу проторю» и др. На их поэтический язык и образность очень заметно влияние фольклорной традиции. Народные формы параллелизма, повторы, симво-

⁶⁰ Маркова Т.Н. Молчание о любви в лирике Л. Татьяничевой // Литература Урала: история и современность: сб. ст. / РАН, Уральское отделение, Ин-т истории и археологии, Объед. музей писателей Урала; [отв. ред. Е.К. Созина]. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2010. Вып. 5: Национальные образы мира в региональной проекции. С. 467–477.

лика, народная фразеология, синтаксис – характерные признаки поэтического строя ранней Татьяничевой:

*Подари мне шелковый платок,
Клен мой добрый,
Стройный мой кленок, –
Пусть на голове моей влюбленной
Шелестит листвою твоею зеленою
И нашепчет звонкие слова
Для того, о ком шумит молва.
Чтобы очи на меня он вскинул
Так, чтоб свет на мне сошелся клином!*⁶¹

Не менее сильным и значительным фактором, оказавшим влияние на раннее творчество, стала большая литература, русская классика. Совершенно естественно, ближе других девичьему сердцу оказалась любовная лирика А. Ахматовой: «Не говори, что ты меня обидел», «Снова стою у порога», «Голос мысли спокойный и строгий», «Я пришла к тебе в дождь проливной», «Я помню все. И старый сад». История литературы располагает неоспоримыми фактами необычайной популярности стихов Ахматовой в среде женщин Советской России, работниц и рабфаковок. Причина этой популярности в самой природе ахматовской лирики – глубокой искренности сердечной исповеди. Особенно сильное влияние ее поэтики испытывали начинающие поэтессы, в их числе В. Инбер, В. Тушнова и Л. Татьяничева.

Творческую биографию нашей землячки принято вести с Магнитки. Между тем ко времени приезда на стройку она уже достаточно хорошо владела стиховой культурой, имела свои устойчивые поэтические симпатии и, как следует из ее собственного признания, была одержима стремлением обрести свой путь, единственно необходимую ей судь-

⁶¹ Здесь и ниже цит. по: Татьяничева Л.К. Из ранних стихов // Молодая гвардия. 1981. № 3. С. 8–15.

бу: «Возможно, я смогла бы стать неплохим инженером, если бы иная страсть, иные стремления не заставили бросить на полпути учебу и уехать на знаменитую стройку у горы Магнитной. Мне казалось, что именно там, на Магнитострое, я смогу стать поэтом и напишу стихи, нужные людям»⁶².

Вскоре по приезде Л. Татьяничева оказывается на заседании известного всей стране литобъединения «Буксир», где знакомится с поэтами М. Люгариним и Б. Ручьевым. Руководитель объединения драматург Николай Смелянский влюбляется в нее практически с первого взгляда и делает всё, чтобы Людмила оставила работу на комбинате и полностью перешла на литературные хлеба. Так она становится штатным сотрудником газеты «Магнитогорский рабочий» и литературного журнала «За Магнитострой литературы».

В ранних ее стихах звучит гордость просторами родного края («Здесь раздолье веселым ветрам»), стремление открыть маленькому сыну красоту и величие цветущей земли («О сыне»), донести свое ощущение высоты, полета, движения к новым победам («Мой герой», «Орленок»). В эти годы начинают обозначаться черты лирической героини Татьяничевой: самоотверженность, сила и цельность чувств человека, вдохновенно строящего новую жизнь. Тогда же возникает и сквозная тема любви-испытания, обогащающей внутренний облик лирической героини даже в горькие минуты разочарований:

Я счастлива

Высоким горьким счастьем –

Неразделенной целостью любви...

Всё, что ты отнял, любимый,

⁶² Татьяничева Л. О себе // Л. Татьяничева. Лирические стихи. Москва: Худ. лит., 1964. С. 3.

Мир возвратит мне сторицей!

Героине Татьяничевой чуждо чувство одиночества, отрешенности от окружающих ее людей; ради собственного деятельного участия в общей жизни, в общей борьбе за будущее она преодолевает личные испытания и потери, за что и воздастся ей сторицей. У нее свои представления о ценностях мира, тесно связанные с трудовыми процессами, с образом уральской земли, ее дореволюционного прошлого и военного настоящего. В годы Великой Отечественной войны мотив предельного самоотвержения укрепляется и разрастается, потому что он воплощает общенародные переживания и свершения, мобилизацию души защитников Родины. На чаше весов не личная обездоленность, утрата своего ребенка, друга, песенного дара, а потеря на поле битвы, полная отдача сил во фронтовом или трудовом подвиге. Но мера самоотречения не менее высока («Припасть к земле и плакать, плакать», «России»):

*Прими мой дочерний поклон
За русскую речь, за молитвы
Суровых прабабок моих,
И даже за то, что средь битвы
Мой сын не остался в живых.*

Ориентация на судьбу русской женщины далеких эпох возникает в стихотворении «Сказ» (1945). Прародительница-бабка завещает внучке горький опыт вдов, оплакивающих свое одиночество и как бы дающих будущим поколениям завет хранить верность погибшим:

*Узнав, что друг в бою убит,
Подруга уходила в скит,
Чтобы в лесу, в глухом скиту
Оплакивать свою беду,
И чтоб любовь свою сберечь*

От наважденья жарких встреч.

В «Сказе» Татьяничевой главным становится образ нового времени, советской женщины, преодолевшей трудности войны, умеющей *«...сильной быть, В далекий скит не уходя, Трудиться, петь, детей растить И за себя И за тебя ...»*. Но неизбывная боль прощания с любовью, счастьем, безысходного ожидания проходит трагической темой в отдельных стихах Татьяничевой («Вдова»).

В трудные военные годы формируются и взгляды Татьяничевой на искусство, творческое ремесло. В них многое заставляет вспомнить об опыте Ахматовой: стремление отдать песне полученные в тяжелых личных испытаниях мужество, знания, ощущение боли рождения крылатого слова и одновременно спасительность служения ему. По сравнению с обобщениями «Белой стаи», у Л. Татьяничевой, отдающей свою Музу воюющей Родине, все звучит суровой, даже трагичнее, но и оптимистичнее:

*Тебя я буду вновь и вновь
Лепить из слов и петь.
Будь неподкупна, как любовь
Идущего на смерть.*

В стихотворении «Я стою под всевидящим небом» молодая поэтесса, не прося любви, признания, славы, определяет для себя

*... тяжелый и длительный путь,
Только б слово, поющее слово
Сладкой болью проникло мне в грудь.*

Любое потрясение вызывает у автора страх потерять Песню. Но даже «безглазая мокрая тьма», «горестная страда» не пугают крылатую. Песня оборачивается дарующей душевную радость, возрождение.

Стремление проникнуть в закономерности времени, жизни в целом через призму ищущей, предельно самоотверженной женской души привело Татьяничеву к освоению поэтики, вполне сопоставимой с ахматовской. Конечно, речь здесь не о силе художественных открытий (не случайно справедливо утвердилось понятие «ахматовской школы») и не о степени поэтического дара (в этом смысле вряд ли можно поставить с Ахматовой кого-нибудь из ее или наших современниц), а о некоторых сходных особенностях их лирики. Среди них: разные формы «самоиспеляющей» исповеди, способность идти от частного, даже интимного признания к широким обобщениям, внешняя простота детали, сдержанность жеста, движения, бытовая конкретность образа при «мыслеёмкости» каждой строки, наконец, динамика нарастания к финалу стихотворения (вплоть до «открытых» концовок) смысловой нагрузки. Разумеется, по отношению к раннему творчеству Татьяничевой можно говорить лишь о тенденциях развития такого мастерства. Но уже здесь радуют такие строки:

*Когда войдешь ты в комнату мою,
Огнем великой битвы опаленный,
Не зарыдаю я, не запою,
Не закричу, не брошусь иступленно.
Я даже слов, возможно, не найду,
Заветных слов, что берегла годами,
А лишь, как на присяге, припаду
К руке твоей горячими губами.*

Все вышеуказанные черты поэзии Татьяничевой 1930–40-х годов созрели не без серьезных упущений, содержательно-структурных огрехов. Немало здесь было прямого подражательства, заимствования красок, конструкций: образов «суровой обители любви», «горячего бреда», «горь-

кого песенного бреда», «голодной печали» и т. д., деталей: «трепет губ», «рот, не знающий признаний», «глиняный божок». Более того, ощущалась примесь нехарактерных для Татьяничевой «смиранных интонаций» – *Страданьем омой мою душу, печалью меня успокой, Пресветлым и ласковым ликом склонись надо мною, о, мать,* – невыразительность откровенно зависимого от первоисточника строя мысли. Думается, однако, что приобщение к классическим традициям через освоение художественной культуры Ахматовой в любом случае плодотворно⁶³.

Не секрет, что большинство стихов ее магнитогорского десятилетия были репортажами со строительной площадки металлургического комбината, но рядом с ними рождались проникновенные лирические строки, понятные и близкие широкому читателю. Их образный строй достаточно прост и прозрачен, практически без подтекста, без стилизованных и мелодических изысков, ведь чтобы преодолеть ужас войны и репрессий, народу нужен был не выхолощенный идеологический звон, а открытое и прямое, утверждающее некий высший смысл и при этом глубоко искреннее поэтическое слово. Такое слово несли поэты Я. Смеляков, В. Федоров, О. Берггольц и Л. Татьяничева.

Между тем снова наступало тревожное время: сначала в Челябинске, а потом и Москве в адрес Л. Татьяничевой прозвучали обвинения в безыдейности и аполитичности⁶⁴. В 1946 году в Свердловске вышла книга ее стихов с названием «Лирика», из пятидесяти тысяч тиража которой уцелело всего несколько экземпляров – остальные были уничтоже-

⁶³ Маркова Т.Н. Анна Ахматова в творческой судьбе Л. Татьяничевой // Русская литература. 1983. № 3. С. 150–155.

⁶⁴ Литературная жизнь Челябинска // Литературная газета. 1946. 21 октября.

ны. Это было начало новой волны репрессий против писателей, и за лирические стихи можно было поплатиться. Татьяничеву обвинили в «ахматовщине», в том, что она слишком много внимания уделяет личным чувствам, пусть даже и материнским, и мало – «главному чувству советского человека» – любви к Родине. Поэтесса не стала рисковать своей семьей, мужем и двумя сыновьями, – и глубоко лирические интонации в ее творчестве закрылись надолго. Постановление ЦК ВКП(б) 1946 года «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» ее как бы выпрямило. Теперь она писала только правильные с идеологической точки зрения стихи. Л. Татьяничева сделала все, чтобы «воспеть конкретный трудовой процесс». Декларировала, что *область Личного Счастья не имеет границ*, и, скорее всего, сама верила в это. Ее стихи тех лет – тоже документ эпохи.

Советский период истории литературы сформировал вполне узнаваемый лирический тип, который практически полностью обусловлен своим временем. Он становится понятен только тогда, когда мы соотносим его с породившей его эпохой. Как показывает практика, углубляясь в лирическую стихию, поэт неизбежно уходит от широкой аудитории читателей к узкому кругу ценителей, и открытия его становятся достоянием немногих. Но, оставаясь востребованным и нужным именно для широкого круга, он вынужден гасить, приглушать бьющий в душе лирический ключ, наступать «на горло собственной песне» – и это тоже не проходит бесследно. Большой поэт всегда рождается в ответ на глубокую потребность своего века и всем творчеством, всей судьбой стремится оправдать эту необходимость. Судьба и творчество Людмилы Татьяничевой – одно из подтверждений этой далеко не новой мысли.

Много сил Татьяничева отдает общественной работе: до 1965 года она руководит Челябинской писательской организацией, дает путевку в литературу многим челябинским поэтам – Константину Скворцову, Валентину Сорокину, Вячеславу Богданову. С 1965 года Л. Татьяничева в Москве. Штатная работа в аппарате Союза писателей РСФСР требует от нее огромного напряжения: вопросы национальных литератур, работа с молодыми авторами, организационная текучка... «Почему вы не пишете стихов о любви?» – спросили ее однажды. «Не пишется на эту злосчастную тему. Нужно очень хорошо писать, чтоб душу обжигало. Или уж не браться».

В собственно лирическом плане одной из самых «татьяничевских» тем была и остается поэтизация самоотверженного материнского чувства. Разнообразна гамма переживаний в этих стихах: древнее, как мир, таинство рождения, одухотворяющее женщину («Мадонна»), боль матерей, потерявших своих детей на военных дорогах («Красный клен у окна»), законная гордость и вместе с тем тревога за взрослых сыновей («Тревога»). Но над всем главенствует всепоглощающая материнская любовь:

*Одни грустят о первых соловьях:
О как они самозабвенно пели!
А мне всю жизнь грустить о сыновьях,
Так безмятежно спавших в колыбели...
И не устанет сердце вспоминать
О той поре, прекрасной и мгновенной,
Когда бывает для ребенка мать
Землей и солнцем,*

*Целою вселенной*⁶⁵.

Эта тема развивается от взволнованно-тонкой нюансировки в передаче конкретно-эмоциональных состояний лирической героини («Спящий ребенок», «Ты болен, мой сокол») к обобщениям нравственно-эстетического порядка («Мадонна»):

*Наперекор изменчивой молве
Художники прославили в веках
Не девушку с венком на голове,
А женщину с младенцем на руках.
Девичья красота незавершена:
В ней нет еще душевной глубины.
Родив дитя, рождается мадонна.
В ее чертах – миры отражены.*

Раздумчивые интонации медитаций, неторопливый и пристальный авторский взгляд вглубь своей души и в сущностные проявления мира оказались более органичными для Л. Татьяничевой, дали воистину удачные произведения уже во второй половине 1950-х годов: «Еще легко ступают ноги», «Длиннее дни. Прозрачней дали», «Совсем как в юности, тревожит» и др. Жизнеутверждающие настроения получали философско-нравственное обогащение:

*Совсем как в юности, тревожит
Меня простор родных полей.
И день, что мной еще не прожит,
Мне дня минувшего милей.
Не потому ль, что в час рассвета
Лучами кажутся пути,*

⁶⁵ Кроме указанных в тексте случаев, здесь и далее цит. по: Татьяничева Л.К. Избранные произведения: В 2 т. Москва: Худ. лит, 1976.

*Что песня лучшая не спета
И жизнь, как прежде, впереди?*

Татьяничева делает акцент на обновлении путей жизни, образ песни становится проводником мысли о бесконечных возможностях будущего, волнующих его загадках и перспективах. Эта мысль в ее соотнесенности с образом заново открываемых «родных полей» дает совершенно самостоятельное звучание известному мотиву.

В ряде стихотворений Татьяничевой той же поры мастерски донесено ощущение быстротечности бытия, сомнения в достигнутой стремлений и идеалов. По ходу таких раздумий своеобразно обогащается тема поэта и поэзии как мучительного, испепеляющего труда, тяготения к совершенству. Эти стихи отличает особый по чистоте пропорций, плавности переходов, пастельности красок колорит. Усложненность философско-эстетического поиска оттачивает поэтическую форму лирики Татьяничевой:

*Труднее пишется с годами.
Никак себе не угодишь.
Над испещренными листьями
Порою до светла сидишь.
Не то. Не так. И вновь черкаешь.
И снова льнет к перу рука...*

Усеченные конструкции внутри предпоследней строки, создающие иллюзию прерывистого от волнения дыхания, анафора на стыке строк, наконец, говорящая и экономная деталь (испещренные, исчерканные листы) придают эмоциональную насыщенность размышлению Татьяничевой о поэтическом мастерстве, всё более самокритичному, а главное, теснее соотнесенному с идеей назначения человека на земле, с понятием счастья труда.

В образной системе поздней Татьяничевой происходят существенные изменения, подготовленные всем предшествующим ее развитием. Показательны самые названия последних книг: «У рассвета сосны розовы» (1977), «Хвойный мед» (1978), «Калитка в лес осенний» (1979). Поэтесса поднимается до «свежести слов и чувства простоты». Стих возникает так же естественно, легко, всегда неожиданно, как олененок на заснеженном поле («Мой олененок»). Устойчивое сравнение-метафора «слово-птица», столь знакомое по ранней поэзии А. Ахматовой, рождает целый поток неповторимых аналогий в лирике Татьяничевой: строка – труженица-пчела или добрый Конек-Горбунок, рифмы – чайки, ритмы – волны, стихи – колосья, нежно и упорно взращиваемые на ниве сердца. Рождение слова, стиха получает у Татьяничевой разные метафорические решения: прорастающие в сердце зерна, рождающееся в сотах янтарное чудо, но чаще других – огненное, и даже «колдовское»: *«Из лучей, Из заповок, Из трав В звонком тигле На сильном огне Выплавливаю особенный сплав», «Лучей осенних собираю хворост, Чтобы высокий Распалить костер».*

Он разжигается на сердце, как на бересте обычный огонь; поленьями служат надежды, радость, горе, сомненье. Когда пламя очистится от дыма, легко, неотвратимо «узлами рифм завяжутся слова» («Береста»).

Вторая половина 1960-х – 1970-е годы становятся порой ее творческого расцвета: за 15 лет поэтесса выпустила 25 сборников стихов и прозы, в 1971 году за книгу стихотворений «Зорянка» получила Государственную премию РСФСР имени М. Горького. Однако лирическая глубина стихов по-прежнему остается закрытой, стихи о любви – камертон истинной поэзии – вновь появляются только в последней книге «Калитка в лес осенний» (1979). В период работы

над сборниками «Десять ступеней» и «Магнитогорские пальмы» (1980) поэтесса была уже тяжело больна. Очень горько, но именно в последний год жизни она возвращается к теме любви как самой верной, постоянной силе, основе жизни. Поэт В. Сорокин рассказывает, как в телефонном разговоре из больницы она обещала, что если выберется, то навсегда сбросит с себя кольчугу, сковывающий ее панцирь запретов и самоограничений. Слишком дорогой ценой поэтесса закрыла для себя тему любви.

В поздних стихах Татьяничевой лирическая стихия получила новое воплощение. Во многом тому способствовали проникновенно зазвучавшие «осенние» мотивы, связанные с подведением итогов собственной жизни, с постижением смысла человеческого существования. В поэзии Татьяничевой 1970-х годов продолжают встречаться отдельные реминисценции Ахматовой, указывающие на своеобразное восприятие творческой эстафеты старшего поколения: у Ахматовой – «И сосен розовое тело В закатный час обнажено» («Земля, хотя и не родная»), у Татьяничевой – «У рассвета сосны розовы, А у вечера – красны» («У рассвета сосны розовы»); у Ахматовой – «И из чьих-то приплывшая снов И почти затонувшая лодка» («Мартовская элегия»), у Татьяничевой – «И лодка, влекомая к темному дну, Всплывает! – Назло всем погибельным снам» («Мне снилось»).

Тем не менее Татьяничева вкладывает в эти близкие себе образы свое, порой полемически направленное к источнику содержание. Она отнюдь не стремится оспорить достижения Ахматовой, просто теперь поэтесса располагает системой глубоко продуманных взглядов, все ее потенциальные стремления реализуются в русле определившегося, зрелого отношения к жизни, которому только помогают проявиться запавшие в сердце чужие созвучия.

Незадолго до смерти Л.Татьяничева скажет об Ахматовой: «Ее творчество ВСЕГДА (шрифтовое выделение – Т.М.) было дорого для меня глубиной и мыслемкостью строки, ясностью и благородством формы, удивительным чувством меры и силой гражданственности в ее вершинных стихах»⁶⁶. Не повторяя своего Учителя в искусстве, Л.Татьяничева запечатлела в лирике, особенно последних лет, немалый и интересный пласт собственных впечатляющих наблюдений и обобщений. Их можно проследить в ряде тем: исторической памяти, Родины, судьбы русской женщины и т. д. Может быть, наиболее наглядно – в решении вечной проблемы жизни и смерти.

Нельзя сказать, что мотив смерти определяет настроение последних стихов Татьяничевой. До последнего часа столкновение с «черным айсбергом Смерти» ей кажется преодолимым («Год кочую на раненой льдине»), а более всего заботит боль близких, чувство утраты, переживаемое детьми и влюбленными («Смерть стопроцентна на земле»). Шестым апреля 1980 года (за три дня до смерти) датировано стихотворение «Профиль», посвященное любимому мужу – Н.Д. Смелянскому:

*На срезях скал
Гроза резцом нагим
Мой профиль отчеканит.
Кем буду для тебя,
Когда меня не станет...
О, лишь не одиночеством твоим!⁶⁷*

Благородны и глубоко человечны душевные движения, отразившиеся в поздней лирике Татьяничевой. Она не

⁶⁶ Письмо Л.К. Татьяничевой к автору статьи от 5 февраля 1979 г.

⁶⁷ Татьяничева Л.К. Стихи последних лет // Знамя. 1981. № 11. С. 3–6.

только не драматизирует, но даже пытается снять трагическую мантию с темы смерти: *«Когда же я выроню стремя, Во мне остановится время, Как стрелки на старых часах»* или: *«Помахав на прощанье Случайным прохожим, Я с былинкой уйду В невесомой руке»*. Тут, казалось бы, и намечается точка соприкосновения с Ахматовой. Вспомним ее признание: *«И кажется такой нетрудной, Белея в чаще изумрудной, Дорога не скажу куда»*. И все-таки разность установок еще более ощутима. Ахматова являет таинство неведомого. Татьяничева стремится донести страшное противоречие между вечным движением жизни и неестественным для человека покоем, остановкой времени. Кроме того, благородная сдержанность достигается Татьяничевой ценой невероятного напряжения душевных и физических сил, и она умеет на высокой ноте протеста против темных сил страдания донести это состояние: *«Как трудно крови Течь, Как больно крови Стыть»*;

*И, лишь когда нагрянула беда
И обнажилась бездна
Предо мной,
Я крикнула:
– Мне рано в никуда,
Еще не завершен мой путь земной.*

Эти и другие стихи, взрывные, щемящие, лишены и следа просветленности, как, скажем, исполненные почти неземного величия духа и мудрой самоиронии ахматовские «Приморский сонет» или «Без названья». В лирике Татьяничевой, напротив, необычайно усиливается драматизм волевого напряжения, яростной борьбы со смертью, борьбы, в которой последний глоток воздуха отдается «Слову-Песне», оказавшейся способной наперекор всему пробудить всплеск

жизни. Именно ее бурной красоте, активной энергии поэт свой гимн Татьяничева:

*Мне снилось,
Что лодка уходит ко дну
Кратчайшей
Из всех моих прежних дорог.
Что слов остается –
На песню одну,
А воздуха –
Лишь на единый глоток.
Последний глоток
Отдаю я словам, –
И лодка, влекомая к темному дну,
Всплывает! –
Назло всем погибельным снам,
Тяжелым ребром разрезая волну.*

Популярность стихов Л. Татьяничевой поистине всенародна, некоторые ее строки стали хрестоматийными. В сочинениях старшеклассников и сегодня часто цитируется: «В Урале Русь отражена». У такой хрестоматийности есть и своя оборотная сторона: популярные строки как бы заслоняют остальное творчество поэта. Повторение ставших общими местом утверждений – «певец Урала», «певица Рифея» – невольно как бы сводит творчество Татьяничевой к одной теме, представляет ее читателю как местного поэта. А это неверно и несправедливо. В лучших своих произведениях Л. Татьяничева достигла подлинных высот поэтического мастерства. Лаконичность, концентрированность мысли, преобладание морально-этической проблематики делают ее лирические миниатюры ярким явлением, значимым вкладом в поэтическую культуру семидесятых годов двадцатого века.

 Константин Васильевич Скворцов (р. 1934)

К.В. Скворцов – поэт и драматург, имя которого хорошо известно на Южном Урале и в России. Строки К. Скворцова из его варианта Гимна России выгравированы на Щите и ножнах Меча Победы, изготовленных златоустовской мастерской декоративно-прикладного искусства «ЛиК» в 1994–1995 гг. специально для Центрального музея Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве:

Россияне! Не уроним чести
И плечом к плечу сомкнемся впрядь.
Выстоять дано нам только вместе,
Порознь – только умереть.

Константин Скворцов – единственный среди писателей, получивший народную премию «Светлое прошлое» (2004), учрежденную по инициативе Олега Митяева, автора-исполнителя, члена Союза писателей России, народного артиста Российской Федерации, уроженца г. Челябинска. В 2023 г. Константин Скворцов удостоен медали «За труды в культуре и искусстве» по решению Президента Российской Федерации.

В лирике К. Скворцова среди многих есть один, имеющий особую смысловую нагрузку образ – это река, вода⁶⁸. Мифологический смысл этих образов обнаруживается в ряде стихов. Так, этапы жизни человека связаны с образами «туманной утренней» и «вечерней призрачной реки», русло реки становится метафорой жизненного пути, поэтому страшно, когда русло пересыхает.

Ключевыми темами поэзии К. Скворцова можно считать темы памяти и России. Память включает в себя боль-

⁶⁸ См.: Стрелец Л.И. Современная русская поэзия // Литература России. Южный Урал. Книга для 10–11 кл. Челябинск: Взгляд, 2004. С. 372.

шой круг явлений: социальных, национальных, религиозных, семейных. природных. Особенно дорога лирическому герою память о детстве, о матери, об Урале. Преклонение перед Словом и утверждение высокого назначения поэзии соседствует с осознанием не востребованности этого Слова.

К. Скворцов известен как автор более трех десятков стихотворных пьес. Среди них – «Иоанн Златоуст. Крестный путь Святителя», «Смутное время», «Юлиан Отступник», «Ущелье крылатых коней», «Отечество мы не меняем», «Алена Арзамасская». Уже в первых работах К. Скворцова определились его идейно-тематические предпочтения. Среди героев произведений – ученые, художники, просветители, правители, люди, оставившие заметный след в истории России. Большинство пьес отражают важнейшие события отечественной истории, критика отмечает в них чувство историзма и патриотизма.

Его пьесы в стихах с успехом ставились в театрах Москвы, Петербурга, Челябинска, Златоуста. Премьера первого из спектаклей, поставленного по драматическим произведениям, состоялась 23 марта 1972 года в Челябинском ТЮЗе – «Ущелье крылатых коней» (реж. Тенгиз Махарадзе, главный герой – основоположник златоустовской гравюры на стали Иван Бушуев). В том же году в Челябинском драматическом театре режиссером А. Иноземцевым была поставлена пьеса «Отечество мы не меняем», позже включенная в репертуары Магнитогорского драматического театра им. А.С. Пушкина (реж. Николай Шуров) и Челябинского театра драмы им. С. Цвиллинга (ныне Челябинский академический театр драмы им. Н.Ю. Орлова).

Приведем несколько отзывов о творчестве К.В. Скворцова.

Архимандрит Петр (Афанасьев):

«В отличие от великих античных трагиков и драматургов эпохи Нового времени поэт Константин Скворцов не только живописно воссоздал исторические личности, изящно написал сильные характеры и поставил извечные вопросы жизни на высокий уровень метафизических афоризмов, но в слове явил мощную силу христианской веры, надежды и любви и указывает на выбор святого в качестве примера жизненного поступка в перспективе вечности».

Новелла Матвеева:

«... У всякого поэта своя любимая тема, своя звезда, свое неповторимое «Я», и у К. Скворцова – это Россия из себя и сам из России весь из нее – страны не монументально-картинной, а страны трагически-незнаемой, где всё вглубь и вширь надо решительно открывать заново, пусть даже "самой бездны на краю"..."»

Владимир Крупин:

«О Константине как о драматурге... В нем величие античной силы. Размеренная античная строфа Скворцова возрождает театр Эсхила, Софокла, Аристофана, который пережил многие века. Он заставляет режиссеров говорить так, чтобы не было никакой отсебятины. Эта драма не по зубам многим театрам, но эта драма живет».

Валентин Распутин:

«...В нем сила огромная, большая энергия. Эта сила действительно на пользу не только нам, не только ему, но и на пользу России...»

Фазиль Искандер:

«Такая поэтическая дерзость всегда углубляет наше представление об исторических событиях...»

Олег Ефремов:

«Скворцов... берет Урал, берет своим героем металлурга Аносова и делает этот исторический факт, эту биографию историческую достоянием нашим. В этом, по-моему, его заслуга...»

Евгений Евтушенко:

«Знакомство с его стихотворными драматическими произведениями прибавило мне поэтической жадности к Уралу, к тому, что связано с его историей, традициями, тружениками. Спасибо ему за это».

Валентин Васильевич Сорокин (р. 1936)

Валентин Сорокин – отважный поэт, постоянно вызывающий «огонь на себя» своими дерзкими, подлинно народными поэмами и стихами, наполненными правдой чувств, сердечной добротой и неисчерпаемой любовью к России.

Вслед за своим великим предшественником и кумиром Сергеем Есениным, Валентин Сорокин мог бы по праву, с законной гордостью сказать: «Чувство Родины – основное в моем творчестве». Этим благодатным и благотворным светлым чувством озарена поэзия Валентина Сорокина. Он поэт высокой эмоциональной напряженности, поэт пронзительного драматизма.

Сердце поэта полно сыновней гордости за Россию, родной народ, за Победу над фашистской Германией. В стихах Валентина Сорокина встает образ России овдовевшей, осиротевшей на войне, просторы которой в могильных холмах, крестах и обелисках. Во многих его стихах и публицистических выступлениях Валентин Сорокин вновь и вновь напоминает нам об этом. Он с негодованием и болью говорит о тех, кто кощунственно издевается над светлой памя-

тью миллионов русских солдат, спасших весь мир от фашизма.

Первые публикации В. Сорокина были в районной, затем в областной прессе. В 1960 году выходит первая книга «Мечта», некоторые стихи из которой позволили критикам отнести Сорокина к «рабочим поэтам». Однако в 1962 году вышло два сборника стихов: «Мне Россия сердце подарила» и «Я не знаю покоя» – где лирический герой ставит перед собой совсем другие проблемы.

В 1970-х годах Сорокин пишет ряд поэм: «Евпатий Коловрат», «Пролетарий», «Дмитрий Донской» и др. В 1980-х годах неоднократно пытается опубликовать большую эпическую поэму «Бессмертный маршал» (о Г.К. Жукове), написанную им еще в 1978 году. Полностью впервые она была опубликована только в 1989 году.

В конце 1980-х – начале 1990-х Сорокин издает серию очерков о погибших русских поэтах – С.А. Есенине, Б.П. Корнилове, П.Н. Васильеве, Н.М. Рубцове и др., которые впоследствии вошли в документально-публицистическую книгу «Крест поэта» (1995). Также пишет серию очерков о многих современных поэтах и писателях: Б.А. Ручьеве, Л.К. Татьяничевой, В. Федорове, П.Л. Проскурине, Ю.В. Бондареве, Е.А. Исаеве, М. Львове, С. Куняеве, А. Прокофьеве, В. Богданове, А. Филатове, С. Викулове, Ю. Прокушеве, О. Шестинском и др.

Стихи Валентина Сорокина переведены на многие европейские языки, на арабский, японский и хинди.

Николай Иванович Година (1935–2021)

Н.И. Година родился на хуторе Шаймаково в Полтавской области. Через четыре года его семья переехала в Челябинскую область, где он получил образование, сначала

закончив семилетнюю школу, а чуть позже горный техникум города Коркино. Работал на руднике по добыче серы в Каракумах. Во время военной службы на Балтийском флоте увлекался литературой и состоял в литературном объединении редакции газеты «Кронштадтская правда», где в 1958 году появилось его первое стихотворение «Новичок».

В 1959 году Н. Година переехал в Миасс. Здесь его произведения часто попадали в литературные рубрики областных и центральных газет и журналов – «Сибирские огни», «Урал», «Юность», «Новый мир».

В 1966 г. Николай Иванович стал участником Кемеровского зонального совещания молодых писателей. Рукопись его была рекомендована к печати, и в следующем году поэтический сборник «Белое, синее» вышел в Южно-Уральском книжном издательстве. Книга получила премию челябинского комсомола «Орленок».

В Кемерово состоялось знакомство с Виктором Астафьевым, со временем переросшее в дружбу. В двухтомник Ю. Ростовцева «Страницы из жизни Виктора Астафьева» (Москва, 2007) вошла переписка писателя с Н. Годиной.

«Белое, синее» высоко оценил известный поэт, друг Сергея Есенина – Василий Казин. В своем отзыве он назвал Н. Годину настоящим поэтом с творческими перспективами и рекомендовал его в Союз писателей СССР. На пятом Всероссийском совещании молодых писателей в Москве в 1969 г. о нем с похвалой отзывались руководители семинаров: В. Соколов, Ю. Левитанский, Е. Долматовский, И. Фоняков. Многочисленные поездки по стране и области, вояжи за границу, публикации в журналах и альманахах «День поэзии», «Поэзия», «Урал», «Новый мир», «Нева», «Волга», «Сибирские огни» сделали имя поэта популярным.

В 1968 г. Н. Година стал вторым, после Б. Ручьева, лауреатом областной комсомольской премии «Орленок».

Режиссер Л. Оболенский назвал Годину *Дебюсси в поэзии*. Импрессионистическая манера письма обнаруживается в пропусках ассоциативных звеньев, когда возникает эффект неопределенности, неясности, мерцания смысла. Секрет, магия поэзии и прозы Николая Годины – в нестандартности мышления, в новаторстве, в отношении к жизни, к людям, к Родине, в беспредельной искренности и открытости⁶⁹.

Н. Година ищет в стихах не столько информацию, сколько мысль, образ, метафору, удачное сравнение, парадокс, справедливо полагая, что стихи – это мысль, изложенная с помощью ритма, мелодии. В бездарных стихах, по его мнению, мысль оголена, поэтому она проскальзывает мимо сердца. А вот парадокс – это сила. Парадокс заложен уже в названиях его сборников: «Дерево любви», «Неожиданность души», «Музыка легкого поведения», «Страна деревьев», «Поцелуй меня с разбегу», «Стеклянная женщина», «Венера Миасская», «Запевалов против Запивалова», «Графоман». «Читатель – мой союзник, – повторял Н. Година. – Я хочу, чтобы он думал. Я должен спровоцировать его на мысль, но так, чтобы он думал по-своему, а не слепо следовал за поэтом»⁷⁰.

Ключевую тему своего творчества Н. Година определил, как «любовь к земле, обостренное видение окружающего, взаимоотношения человека с природой». Благоговение перед жизнью, чувство одушевленности вселенной – так можно определить основу его мироощущения.

⁶⁹ См.: Стрелец Л.И. Современная русская поэзия. С. 376.

⁷⁰ См.: Фонотов М.С. Человек из страны деревьев. Время Николая Годины: [статьи, беседы, заметки]. Челябинск: Цицеро, 2017. 179 с.

Проза Южного Урала второй половины XX века

 Серафима Константиновна Власова (1901–1972)

Сказы Серафимы Власовой были очень популярны на Южном Урале в 1960–1970-х годы среди читателей всех возрастов. Ее называли продолжательницей дела П.П. Бажова. Она была собирательницей, исполнительницей и автором сказов о Южном Урале. Ее произведения подкупали яркостью языка, связью с историей, людьми края. И сама она была неординарной личностью.

В 1952 г. вслед за семьей дочери Серафима Константиновна приехала в Челябинскую область. Три месяца работала учителем истории и литературы, завучем в школе поселка, который теперь называется Солнечный (Сосновский район). Потом переехала в Челябинск и прожила здесь свои последние двадцать лет.

Писать Серафима Константиновна начала поздно, когда вышла на пенсию. Первый ее сказ – «Афанасий Кичигин» – опубликован в 1954 г. в альманахе «Южный Урал», первый сборник «Уральские сказы» вышел в 1958 г. Популярными среди южноуральцев стали сборники «Голубая жемчужина» (1958), «Поют камни» (1964), «Клинок Уреньги» (1968). В сказах – города Южного Урала: Златоуст, Кыштым, Куса, Коркино, Пласт... В них знакомые и родные названия уральских гор, озер: Сугомак, Егоза, Ирмель, Зюраткуль, Увильды, Тургояк, Акакуль... Причем они не просто упоминаются, об их происхождении рассказываются легенды.

В сборники «Герцогиня Акуля» (1966) и «Клинок Уреньги» С.К. Власова впервые поместила не только сказы, но и были, в которых отразились подлинные исторические события: переселение крестьян из средней России на Южный Урал («Тютнярская старина»), Пугачевское восстание

(«Зузелка», «Пугачевский клад»). Большое место занимает в них тема революции и Гражданской войны на Южном Урале: «Алая лента» – о революционере из Сима Михаиле Гузакове; «Плакун-травя» – о 96 карабашских рабочих, расстрелянных белогвардейцами, о гибели челябинских революционеров Дмитрия Колющенко, Евдокима Васенко, Петра Тряскина («Агаповский застенки»).

С. Власова признавалась: «Чтобы писать сказки, надо хорошо знать народ, его поэзию, безгранично любить свой край». Она много ездила по области, собирала русские, татарские и башкирские народные легенды и сказания. Ее сказки: «Клинок Уреньги», «Брошечка», «Глядень-гора», «Улин камень», «Золотое слово», «Сказ о Косотур-горе» – написаны на основе златоустовских преданий. Почти все они печатались в «Златоустовском рабочем». Несколько сказов она посвятила Кыштыму и его окрестностям. Сборник сказов о Кыштыме Юрия Гребенькова и Серафимы Власовой «Золотыми тропами легенд» вышел к 240-летию города, в 1997 году.

С.К. Власова написала более 70 сказов, былей, рассказов. При жизни вышло 9 ее книг в Челябинске и Магнитогорске, наиболее полный сборник из 25 сказов – «Клады Хрусталь-горы». В Москве в 1975 г. вышел сборник «Сказание о Щелкане и Сулее».

Ученые-краеведы выделяют отличительные черты авторского повествования: «Сказки Власовой – это живая история горнозаводского Урала, воссозданная в художественных образах» (В. Михнюкевич); «В ее сказах органично переплетаются сказовые элементы с реалистическим описанием действительности, с подлинными фактами, взятыми из жизни, звучащими современно и не утрачивающими глубокого реального смысла» (А. Шмаков).

Тема трудового мастерства уральских умельцев: горщиков, гранильщиков, литейщиков, кузнецов – главная в произведениях С.К. Власовой. Стоит прочесть начало сказа «Чугунная цепочка»: «Про наше каслинское литье да про мастеров его давным-давно слава по свету гуляет. И тем эти мастера славы добились, что своей горячей кровинкой сумели чугун оживить...»⁷¹, чтобы понять, как высоко ценила писательница мастерство наших земляков. В сказе «Герцогиня Акуля» она рассказывает историю создания кружевной чугунной беседки (знаменитого Каслинского павильона, который получил золотую медаль на выставке в Париже в 1901 г.). Во многих сказах и былях Серафима Константиновна повествует о реальных человеческих судьбах. Героями ее произведений стали каслинский мастер Михаил Торокин («Васяткин сапожок») – дядя Василия Торокина – героя сказа Бажова «Чугунная бабушка», челябинский рудознатец Василий Козырин («Каменная радуга»), канашские ковровщицы («Золотая шерстинка»), карабашские старатели («Анискин камень»).

В сказах Серафимы Константиновны говорится о дружбе народов разных национальностей, населяющих наш край. Есть сказы, написанные по мотивам башкирских легенд («Клинок Уреньги», «Агидель», «Габиевка», «Зузелка», «Песни Сабаная»).

Язык сказов образный, яркий, в них много народных пословиц и поговорок: «Золото моем, а голосом воем», «У него под носом-то взошло, а в голове не посеяно», «Лучше петь на веточке, чем в золотой клеточке», «Весело валит с неба град, да никто ему не рад», «Первый кусок повару, последний – коту». Неслучайно знаток сказов Власовой челя-

⁷¹ Власова С.К. Клинок Уреньги: Сказы и были. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд., 1968. 99 с.

бинский писатель А. Шмаков называл ее «кудесницей слова». А сама она пишет: «Слово к слову, как камень к камешку на богатом уборе, собрала я сказ об Урале» («Сказ об Урале»). Но гораздо интереснее было сказы не читать, а слушать их в исполнении автора. Своими рассказами она могла заморозить любую аудиторию. С.К. Власова была очень артистична, читала свои произведения на разные голоса. Характеристику сказительницы-рассказчицы дал челябинский литературовед, фольклорист Александр Иванович Лазарев: «С.К. Власова представляет собою тип писателя, для которого литературный сказ стал наиболее естественной и органичной формой творчества. Много лет живя на Урале, она всем своим существом усвоила местные устно-поэтические традиции. Индивидуальные особенности Власовой как замечательной рассказчицы обусловили характер ее творчества»⁷².

Татьяна Алексеевна Набатникова (р. 1948)

Первый рассказ Т. Набатниковой «Не бойся: я здесь» был опубликован в 1980 в коллективном сборник «Дебют». Потом ее произведения печатались в журналах «Сибирские огни», «Урал», в газетах «Литературная Россия», «Литературная газета» и др. Первая книга, сборник рассказов, вышла в 1982 г. в Новосибирске. В 1985-м Набатникова переехала в Челябинск, где в Южно-Уральском издательстве выпустила в 1987 г. книгу «На золотом крыльце сидели» (повесть и рассказы). Лауреат Всесоюзного литературного конкурса им. Н. Островского (1988) и премии Союза писателей

⁷² Лазарев А. О сказах народа и творчестве С.К. Власовой // Клады Хрусталь-горы / С. Власова; под ред. А.И. Лазарева. Челябинск: Юж.-Урал кн. изд-во, 1970. С. 4–12.

России им. М. Шолохова (1990) за роман «Каждый охотник», который признан лучшим произведением 1987 г. о молодежи. Автор 9 книг прозы. В 1990 г. Т.А. Набатникова переехала в Москву и занялась преимущественно переводами с немецкого.

В 2007 году З. Прилепин взял интервью у Набатниковой⁷³. Приведем несколько фрагментов.

З. П.: Я немного знаю Татьяну Набатникову, и читал ее рассказы. То, что Татьяна Набатникова пишет и говорит – это подается доброжелательно (к слушателю и читателю) и очень сдержанно, это, как правило, точно сформулировано, это составлено из, казалось бы, простых кубиков – но попробуй скажи, напиши, поживи – в такой вот красивой простоте....

Т. Н.: Мне не дороги никакие написанные или переведенные тексты. Они мне дороги только в тот момент, когда я их пишу, когда составляю фразу, когда охочусь за этой жар-птицей и мне удастся на лету поймать мысль, слово, мелодию, ритм.

Я представляю это так: мир держится и не распадается на груды энтропийного хлама только за счет того, что в каждое мгновение кто-то занят работой гармонизации, упорядочения, построения. Писатель – в равной степени, как и каменщик, и композитор, и бухгалтер со своими балансами. И мои усилия драгоценны лишь в тот момент, когда я их предпринимаю. Поэтому напрягаюсь я всегда максимально. И мой кирпичик будет вставлен в нужное место построения ноосферы. Но возвращаться к нему потом, смотреть, не косо ли он лежит в общей кладке, пытаться как-то сошлифовать неровности – это «поздняк метаться», как говорят.

⁷³ Прилепин Захар Интервью с Татьяной Набатниковой // Агентство политических новостей. Нижний Новгород. 2007, 26 окт.

На этот счет мне нравится одна легенда, не знаю, насколько она реальна. Якобы Гоголь однажды приехал в Оптину пустынь и там обнаружил рукописный разбор «Мертвых душ», сделанный одним монахом. Этот разбор показался Гоголю единственным, попадающим в точку, и он сокрушенно спросил монаха, почему же тот не опубликовал сей труд. И монах ответил: «Зачем, достаточно того, что он НАПИСАН».

З. П.: Мне любопытно ваше мнение: кто, на ваш взгляд, из числа нынешних властителей дум останется в литературе надолго и полноправно: Солженицын, Искандер, Распутин? Бондарев, Бакланов, Гранин? Кураев, Ким, Кабаков? Ерофеев, Дмитриев, Поляков? Улицкая, Петрушевская, Толстая? Лимонов, Проханов, Есин? Краснов, Личутин, Екимов? Иные, чьи имена я не назвал?

И кто из них (или не из них) может сегодня являться моральным авторитетом для нации – занимать место, какое занимал, например, в свое время Лев Николаевич Толстой.

Т. Н.: Всех, кого Вы назвали, я читала, все были хороши, все утоляли мою жажду (всякий раз другую), и некорректно было бы составлять из них рейтинг, кто кого круче. Время уже успело сделать некоторый отбор, и все эти имена в литературе остались, но вот надолго ли, из сегодняшнего дня невозможно увидеть. Я лично из всей мировой литературы больше всего «питательного духовного вещества» получила от Андрея Платонова. Но у каждого человека свой список, вычеркивать никого не будем.

З. П.: Есть ли политические взгляды у вас? Необходима ли писателю гражданская позиция?

Т. Н.: Вряд ли он без нее обойдется. Всё, начиная с выбора героя, выдает позицию писателя. Если говорить о моих политических взглядах, то они связаны с расой и кровью.

Поясню. Вот рождается мальчик какого-то имперского народа – китайского, положим, немецкого или русского. У него в крови записана сверхзадача: он должен пойти и погибнуть, но той пядью земли, куда упадут его кости, его империя прирастет. А рождается мальчик какого-то подавляемого и подчиненного народа, кровь диктует ему совсем другую задачу: выжить любой ценой и сохранить генетический код. Поведение этих двух мальчиков будет совершенно разным. И иерархия ценностей будет разная. Для имперского мальчика на первом месте будет бог, на втором государство и только на самом последнем он сам, грешный. А для второго мальчика будет всё наоборот: на первом месте он, носитель генокода, на втором месте государство, ну и где-то там бог, если на него останется.

Мы сами даже не вольны в выборе политической позиции. Этот выбор определяет популяция, история, код, записанный в крови. Для меня государство однозначно ценнее и важнее отдельной личности. Вы скажете, вот потому-то личность у нас и попирается так беззащитно! Да, отвечу я Вам с горечью и смирением, вот именно поэтому. И с этим ничего не поделаешь.

 Владимир Владимирович Курносенко
(1947–2012)

Владимир Курносенко родился в Челябинске. Окончил Челябинский медицинский институт, заочно – Литературный институт им. А.М. Горького.

Печатался с 1978 года в «Вечернем Челябинске», «Сибирских огнях», «Новом мире», «Юности», «Дружбе народов» и других периодических изданиях. Опубликованы сборники «Справедливые дни» (1983), «Милый дедушка» (1988),

«Лента Мёбиуса» (1989), «Жена Монаха» (2008); романы «Евпатий» (1996), «Совлечение бытия» (2012).

За роман «Евпатий» получил премию Псковской областной администрации в области литературы и искусств; был номинирован на премию «Русский Букер». Лауреат премий И.П. Белкина и журнала «Дружба народов».

Критик Андрей Немзер: «В литературу он пришел из медицины, которую, в сущности, никогда не оставлял: уже будучи автором книг, работал на скорой помощи... Главная тема его творчества – мучительный, бескомпромиссный поиск смысла жизни человека, поиск Бога – с особой пронзительностью звучит в завершенном писателем незадолго до ухода романе...»⁷⁴

С ним солидарен Лев Аннинский: «У Курносенко медицина – не просто профессия рассказчика. Это и концептуальный базис, и исход. Скальпельная жестокость взгляда плюс безжалостная логика диагноста. При фатальной, от «худо-бедно интеллигенции» унаследованной жажды: за правдой факта найти глобальный смысл. Правда проста. На стол хирурга попадает покалеченный бандит, который в школьные годы сам калечил одноклассников, среди коих был тогда и нынешний врач. Вопрос: мстить? Простить? Спасти насильника? С этого сюжета начинается, я думаю, Курносенко-писатель (книга «Справедливые дни»). И этот мотив – неменяемой, невыносимой, не знающей морали «правды» – проходит через все его тексты. Растерянность душ и бессилие разума при смертельном всесилиии ножа в руке – хирургического или бандитского – любого. В ряд замечательных писателей – медиков (Чехов, Вересаев, Булга-

⁷⁴ Немзер А. Отложенный выбор // Время новостей. 2004, 20 февр.

ков... теперь, кажется, и Горин) я без колебания ставлю Владимира Курносенко»⁷⁵.

За книгу «Совлечение бытия. Избранное» в 2017 году удостоен национальной премии «Лучшие книги и издательства года – 2016». В издание вошли не только опубликованные посмертно повесть и роман, но и фотографии из семейного архива, отзывы о прозе автора, Льва Аннинского, Даниила Давыдова, Александра Неверова, Аллы Марченко, фрагменты замечательных писем критику Валентину Курбатову. Всё это, собранное вместе, очерчивает контуры уникальной писательской и человеческой судьбы. Книга напоминает автобиографию, но не тождественна ей. Там, где у автобиографического автора-героя главенствует «я», у Курносенко только Бог и люди. В рассказах об одноклассниках-однокурсниках повествование ведется от первого лица, но доходит дело до автобиографического персонажа Василия Курилко-Кирика в романе, и первое лицо меняется на третье.

Обе части «Диалогии» имеют авторские музыкальные жанровые определения: «Неостающееся время» – «ювенильная сюита в семи рассказах», «Совлечение бытия» – «беллетристическая импровизация в жанре фуги-токкаты». Финал «Совлечения бытия» поразителен. Это центон, сотканный из евангельских цитат: «Зато врата эти есть (думал), и он-то, Василий, знает теперь про это: совлечь с себя образ ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, и облечься в нового... по подобию Создавшего его...

В нетленной красоте кроткого и молчаливого духа сокровенного сердца человека.

⁷⁵ Аннинский Л. Тканье ветра: о прозе В. Курносенко // Дружба народов. 2006. № 10. С. 171.

И – кажется, так – радости нашей тогда никто не отнимет от нас...»⁷⁶

 Рустам Шавалиевич Валеев (1936–2023)

Первая книга рассказов «Верность» (1960) напечатана в Южно-Уральском книжном издательстве. В дальнейшем книги писателя выходили в Челябинске, Новосибирске, Москве. Отдельные произведения и подборки рассказов публиковались в журналах «Новый мир», «Урал», «Наш современник», «Смена», «Золотой век», в альманахе «Апрель».

Главные темы творчества Рустама Валеева, по его собственному признанию, – «взаимоотношения прошлого и настоящего. Взаимоотношения отцов и детей. Взаимоотношения детских и взрослых лет. Взаимоотношения малого и большого мира...». В центре внимания писателя проблемы сохранения традиционной культуры, нравственных и бытовых традиций малой родины, соотношения памяти прошлого и стремления к будущему.

Широкую известность писателю принес роман «Земля городов», опубликованный в журнале «Новый мир» (1979). В нем повествуется о бытии жителей Маленького Города, прототипом которого является родной писателю Троицк. Некогда стоявший на Великом шелковом пути, Маленький Город меняется под ударами новой жизни. Конфликт между неминуемым прогрессом и уютной традицией, которой симпатизирует писатель, передается через колоритные судьбы маленьких людей, их личные драмы.

Т.А. Набатникова называет метод Рустама Валеева синтезом: «Из материала маленького городка он берет детали, события, составляет их в новую реальность, художе-

⁷⁶ Курносенко В. Совлечение бытия // Москва. 2014. № 10. С. 95.

ственную, и эта новая реальность сама рассказывает о себе. Проза получается сложная, как сама жизнь, и потому вглядываться в нее интересно, и потому она требует себе толкователя... Здесь проза берет на себя музейную функцию, заменяя нам природу, возобновляя утраченные ощущения. Как ей удастся сделать эти ощущения живыми – загадка...».

«Земля городов» является частью большого метатекста Рустама Валеева, включающего повести и рассказы. Взамен уходящей природы писатель создает свою Вселенную, в которой узнается весь Южный Урал и Зауралье – Челябинск, Магнитогорск, Златоуст, Бакал. Как отмечает журналист Михаил Фототов, «это краеведение в своем высшем проявлении, художественное».

Крупной творческой удачей писателя считается роман «Заботы света» (1986). Он был назван лучшей публикацией года в журнале «Урал». В том же году роман вышел отдельной книгой в Москве. «Заботы света» – эпическое полотно, в центре которого судьба выдающегося татарского поэта Габдуллы Тукая. По мнению писателя и литературоведа Рафаэля Мустафина, это не роман-биография, а произведение о внутренней, духовной жизни поэта, биография духа.

В 2000-е годы писатель обратился к малым формам. Его проза получила высокую оценку. Критик Андрей Урицкий о подборке рассказов писателя в журнале «Урал» отзывался как о лучшей прозе в журнале – пластичной, выразительной, отметив некоторую близость к Платонову. Это проза о любви, стариках и старости, об ускользающем, уходящем веществе жизни. Например, рассказ «Солдат» пронизан глубинными эротическими токами и ощущением мяг-

кой, опустошающей усталости, когда просто хорошо сидеть на крыльчке.⁷⁷

Игорь Золотусский признается: «Мне близко то, о чем пишет Рустам Валеев, и то, как он видит своих героев и самую жизнь людей. Эта проза сделана не холодной рукой хирурга, эта проза проникнута теплом человеческой души, каждое слово этим теплом дышит. Я должен отметить культуру автора, культуру в самом полном и широком смысле этого слова. Культуру восприятия, культуру отношения к людям, которая всегда является выражением мудрой и совестливой души»⁷⁸.

Поэт Виталий Кальпиди высоко ценит в личности и творчестве Рустама Валеева внутреннюю свободу: «Он не пытается заглянуть в пустые, подернутые серой массой глаза этого времени, не пытается в них отразиться. Он четко определил свое личное время. Инкапсулировал себя в нем и отстаивал это время на фоне вечности»⁷⁹.

ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

I. Подготовить доклад на одну из предлагаемых тем:

1. Повесть «Неделя» Ю. Либединского.
2. «Правонарушители» Л. Сейфуллиной в оценке А.С. Макаренко.
3. Уральские сказы П. Бажова.

⁷⁷ Валеев Р. Рассказы. Челябинск: Автограф, 1996. 200 с.

⁷⁸ Цит. по: Лютов В. 80 лет писателю Р. Валееву // За Возрождение Урала. 2016, 19 окт.

⁷⁹ Лироэпос Рустама Валеева: публичная лекция Виталия Кальпиди (часть 1). – URL: https://www.youtube.com/supported_browsers?next_url=https%3A%2F%2Fwww.youtube.com%2Fwatch%3Fv%3D5GOYh4cd84I (дата обращения: 07.11.2024).

4. Поэты Магнитостроя.
5. Поэзия Б. Ручьева.
6. Урал в лирике Л. Татьянической.
7. «Снежное вино» – литературное общество студентов пединститута.

8. С. Власова – сказительница.
9. Пьесы в стихах К. Скворцова.
10. Поэмы В. Сорокина.
11. Лирика Н. Годины.
12. Проза Р. Валеева.
13. Книги В. Курносенко.

II. Создать буктрейлер к книгам Т. Набатниковой, В. Курносенко, Р. Валеева, К. Скворцова, В. Сорокина, Н. Годины (на выбор).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее учебное пособие преследует цель изучения истории становления и развития литературы Южного Урала. Представленные составителем материалы формируют понимание исторического и эстетического значения русской литературы как единого историко-культурного процесса, способствуют выработке умения использовать систему приемов при анализе региональных литературных текстов.

Возникновение собственно художественной литературы на Южном Урале – поэзии, прозы, драматургии – предваряет формирование подготовительной среды. В этом процессе велика роль интеллигенции, формирующей литературную среду, на которой и произрастают таланты. В произведениях уральских писателей изначально отмечается направленность в сторону реалистических способов изобразительности: примат материала над формой, факта над условной литературностью. Социальность, достоверность, документальность отмечаются как характерные признаки литературы Южного Урала. Среди жанров преобладают путевые заметки, дневники, этнографические очерки, социальная повесть и роман.

В первом разделе учебного пособия представлена картина исторического развития литературы Южного Урала в течение XIX века в единстве и многообразии национальных художественных традиций народов, населяющих регион. Движение литературного процесса прослеживается через анализ творческих индивидуальностей писателей и

поэтов, оставивших свой след в истории и культуре Южного Урала: А.С. Пушкина, В.И. Даля, П.П. Ершова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Н.Г. Гарина-Михайловского.

Представленные во втором разделе пособия уральские писатели советского периода: Ю.Н. Либединский, Л.Н. Сейфуллина, П.П. Бажов, Б.А. Ручьев, Л.К. Татьяничева – заняли достойное место в истории литературы XX века.

Учебное пособие включает тематику заданий для самостоятельной работы студентов и список рекомендуемой литературы.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная учебная литература

1. История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / под ред. проф. Е.К. Созиной. Кн. 1. – 2-е изд. – Москва: Издательский дом ЯСК, 2021. – 664 с.

2. Литература России. Южный Урал: хрестоматия. 5–9 кл. / сост. Капитонова Н.А., Крохалева Т.Н., Соловьева Т.В. – Челябинск: Взгляд, 2002. – 496 с.

3. Литература России. Южный Урал: хрестоматия. 10–11 кл. – Челябинск: Взгляд, 2004. – 447 с.

4. Маркова Т.Н. Современная русская литература: учебное пособие / Т.Н. Маркова. – Челябинск: ЮУрГГПУ, 2019. – 199 с. – URL: <http://ebs.csru.ru>.

5. Богданова О.А. Диалогия А.С. Пушкина «История Пугачевского бунта» и «Капитанская дочка» (образ Емельяна Пугачева) // Культура и текст. – 2019. – № 1(36). – С. 7–18.

6. Лотман Ю.М. Идеальная структура «Капитанской дочки» // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990 / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1995. – С. 212–227.

7. Макогоненко Г.П. «Капитанская дочка» А.С. Пушкина / Г.П. Макогоненко. – Ленинград: Художественная литература, 1977. – 112 с.

8. Оксман Ю.Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка» / Ю.Г. Оксман // Пушкин А.С. Капитанская дочка. – Ленинград: Наука, 1984. – 148 с.

9. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А.С. Пушкин. – Ленинград: Наука, 1978.

10. Оренбургская пушкинская энциклопедия: Путешествие – 1833. Реалии «Истории Пугачева». Прототипы «Капитанской дочери». Исследователи и интерпретаторы / авт. и сост.: д-р ист. наук Овчинников Р.В., акад. Большаков Л.Н.; Фонд «Будущее Отечества» им. В.П.Поляничко. – Оренбург: ДиМур, 1997. – 519 с.

Дополнительная литература

1. Антология литературы Южного Урала: в 3 т. / сост. А.Л. Казаков. – Челябинск: АБРИС, 2024. – 570 с.

2. Благой Д.Д. Творческий путь А.С. Пушкина (1813–1826), (1826–1830) / Д.Д. Благой. – Москва: Советский писатель, 1967. – 723 с.

3. Гальцева Л.П. «В Урале Русь отражена»: Статьи. Очерки. Заметки / Л.П. Гальцева. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1991. – 260 с.

4. Гей Н.К. Проза Пушкина. Поэтика повествования / Н.К. Гей. – Москва: Наука, 1989. – 272 с. – ISBN 5-02-011404-9.

5. Горький вкус снежного вина: трагедия в стихах, воспоминаниях и документах / сост. и ред. В. Черноземцев. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. – 366 с.

6. Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля / Г.А. Гуковский. – Москва: ГИХЛ, 1957. – 416 с.

7. Даль В.И. Документы. Письма. Воспоминания / В.И. Даль. – Оренбург, 2008. – 544 с.

8. Заманская В., Заманский Л. Страстное слово поэта / В. Заманская, Л. Заманский // Урал. – 1974. – № 6. – С. 186–221.

9. История русской литературы: в 4 т. – Москва: Наука, 1981. – Т. 2. – 656 с.

10. Капитонова Н.А. Мамин-Сибиряк Д.Н. / Н.А. Капитонова // Литературное краеведение / Н.А. Капитонова. – Челябинск: АБРИС, 2008. – С. 18–29.

11. Кулинич А.В. Русская советская поэзия 30-х годов / А.В. Кулинич. – Киев, 1962. – 167 с.
12. Макогоненко Г.П. Творчество Пушкина в 1830-е годы (1830–1833) / Г.П. Макогоненко. – Ленинград: Художественная литература, 1974. – 376 с.
13. Мамин-Сибиряк Д.Н. Повесть и рассказы / Д.Н. Мамин-Сибиряк. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1978.
14. Маркова Т.Н. Анна Ахматова в творческой судьбе Л. Татьянической / Т.Н. Маркова // Русская литература. – 1983. – № 3. – С. 150–155.
15. Маркова Т.Н. Творчество Л. Татьянической и его связи с советской поэзией 1930–1970-х годов: дис. ... канд. филол. наук / Т.Н. Маркова. – Москва, 1983. – 158 с.
16. Петрунина Н.Н. Проза Пушкина: Пути эволюции / Н.Н. Петрунина. – Ленинград: Наука, 1987. – 333 с.
17. Стариков Д. Борис Ручьев / Д. Стариков. – Москва: Советская Россия, 1969. – С. 31–32.
18. Смирнов И.П. От сказки к роману / И.П. Смирнов // История жанров в русской литературе X–XVII вв. – ТОДРЛ. XXVII. – Ленинград: Наука, 1972. – С. 284–320.
19. Чуковский К.И. Современники: портр. и этюды / К.И. Чуковский. – Изд. 4 е, испр. и доп. – Москва: Мол. гвардия, 1967. – 589 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аннинский Л. Тканье ветра: о прозе В. Курносенко // Л. Аннинский // Дружба народов. – 2006. – № 10. – С. 171–173.
2. Антология литературы Южного Урала: в 3 т. / сост. А.Л. Казаков. – Челябинск: АБРИС, 2024. – 570 с.
3. Бажов П. Каменный цветок: [уральские сказы] / П. Бажов. – Челябинск: Челябингиз, 1948. – 180 с.
4. Гальцева, Л.П. Высокое откровение: о творчестве Бориса Ручьева / Л.П. Гальцева. – 2-е изд., доп. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1983. – 191 с.
5. Гальцева Л.П. «В Урале Русь отражена»: Статьи. Очерки. Заметки / Л.П. Гальцева. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1991. – 260 с.
6. Гладышев В. Чехов А.П.: Пермь – город трех сестер // Ураловед. – URL: uraloved.ru (дата обращения: 20.09.2024).
7. Година Н.И. Избранное: в 2 кн. Кн. 1: Человек, похожий на меня: стихотворения и переводы 1963–2005 / Н.И. Година. – Челябинск: Книга, 2005. – 272 с.
8. Горький вкус снежного вина: трагедия в стихах, воспоминаниях и документах / сост. и ред. В. Черноземцев. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. – 366 с.
9. Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля / Г.А. Гуковский. – Москва: ГИХЛ, 1957. – 416 с.
10. Даль В.И. Документы. Письма. Воспоминания / В.И. Даль. – Оренбург, 2008. – 542 с.
11. История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / под ред. проф. Е.К. Созиной. Кн. 1. – 2-е изд. – Москва: ЯСК, 2021. – 664 с.
12. История русской литературы: в 4 т. – Москва; Ленинград: Наука, 1981. – Т. 2. – 656 с.
13. Капитонова Н.А. Литературное краеведение. Челябинская область: [учебное пособие для основной и средней (полной) шк.] / Н.А. Капитонова. – Челябинск: Абрис, 2008, 2011, 2012. – (Познай свой край).

14. Лазарев А.И. Народоведение: о русском народе, его обычаях и художественном творчестве: учебник для общеобраз. школ, гимназий, лицеев: в 4 т. / А.И. Лазарев. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1997.
15. Лазарев, А. О сказах народа и творчестве С.К. Власовой / А. Лазарев // Клады Хрусталь-горы / С. Власова; под ред. А.И. Лазарева. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1970. – С. 4–12.
16. Либединский Ю. Повести / Ю. Либединский. – Челябинск, 1967.
17. Литература России. Южный Урал. 5–9 кл. / сост. Капитонова Н.А., Крохалева Н., Соловьева Т.В. – Челябинск: Взгляд, 2002. – 496 с.
18. Литература России. Южный Урал. Хрестоматия. 10–11 кл. – Челябинск: Взгляд, 2004. – 447 с.
19. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. / Ю.М. Лотман. – Таллин, 1992. – Т. 2. – 478 с.
20. Макогоненко Г.П. Творчество Пушкина в 1830-е годы (1830–1833) / Г.П. Макогоненко. – Ленинград: Художественная литература, 1974. – 376 с.
21. Мамин-Сибиряк Д.Н. Повесть и рассказы / Д.Н. Мамин-Сибиряк. – Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1978. – 319 с.
22. Маркова Т.Н. Песня об Урале: Очерк творчества Людмилы Татьянической / Т.Н. Маркова. – Челябинск: Энциклопедия, 2015. – 175 с.
23. Маркова Т.Н. Современная русская литература: учебное пособие / Т.Н. Маркова. – Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2019. – 241 с.
24. Оренбургская пушкинская энциклопедия: Путешествие – 1833. Реалии «Истории Пугачева». Прототипы «Капитанской дочери». Исследователи и интерпретаторы / авт. и сост.: д-р ист. наук Овчинников Р.В., акад. Большаков Л.Н.; Фонд «Будущее Отечества» им. В.П. Поляничко. – Оренбург: ДиМур, 1997. – 519 с.

25. Петрунина Н.Н. Проза Пушкина: Пути эволюции / Н.Н. Петрунина. – Ленинград: Наука, 1987. – 333 с.
26. Плебейский О. Откликной гребень / О. Плебейский. – Челябинск: Юж-Урал. кн. изд-во, 1966. – 96 с.
27. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А.С. Пушкин. – Ленинград: Наука, 1978.
28. Ручьев Б. Собрание сочинений в 2 т. / сост.: Л.П. Гальцева, Л.Н. Ручьева. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1978–1979. Т. 1. Стихотворения, статьи, речи, интервью, заметки, рецензии. – 295 с. – Т. 2. Поэмы, письма, из дневников и записных книжек. – 231 с.
29. Стариков Д.В. Борис Ручьев: биография отдельного лица / Д.В. Стариков. – Москва: Советская Россия, 1969. – 71 с.
30. Стрелец Л.И. Современная русская поэзия / Л.И. Стрелец // Литература России. Южный Урал. Книга для 10–11 кл. – Челябинск, 2006. – С. 369–396.
31. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» / В.Н. Топоров. – Санкт-Петербург: Искусство, 2003. – 617 с.
32. Фонотов М.С. Человек из страны деревьев. Время Николая Годины: [статьи, беседы, заметки] / М.С. Фонотов. – Челябинск: Цицера, 2017. – 179 с.
33. ФЭБ: Чехов – Чеховым, 29 апреля 1890. – 1976. – URL: february.ru (дата обращения: 20.09.2024).
34. Чуковский К.И. Современники: портр. и этюды / К.И. Чуковский. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Москва: Мол. гвардия, 1967. – 589 с.
35. Ярославцев А.К. Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-горбунок»: Биографические воспоминания университетского товарища его, А.К. Ярославцова. – Санкт-Петербург, 1872.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Краткое содержание курса	5
Раздел 1. У истоков уральской словесности	6
А.С. Пушкин и Урал	10
«История Пугачевского бунта»	12
«Капитанская дочка» – исторический роман или семейная хроника	19
Владимир Иванович Даль	27
Петр Павлович Ершов	30
Д.Н. Мамин-Сибиряк о Челябинске.....	33
А.П. Чехов на Урале	36
Николай Георгиевич Гарин-Михайловский	39
<i>Задания для самостоятельной работы</i>	41
Раздел 2. Литература Южного Урала советского периода	45
Юрий Николаевич Либединский	45
Лидия Николаевна Сейфуллина	47
Павел Петрович Бажов	50
Рабочая поэзия Магнитки 1930-х годов	53
Литературное общество студентов пединститута «Снежное вино»	73
Борис Александрович Ручьев	74
Молчание о любви в лирике Л. Татьяничевой	76
Константин Васильевич Скворцов	91
Валентин Васильевич Сорокин	94
Николай Иванович Година	96

Проза Южного Урала второй половины XX века	98
Серафима Константиновна Власова	98
Татьяна Алексеевна Набатникова	102
Владимир Владимирович Курносенко	105
Рустам Шавалиевич Валеев	107
<i>Задания для самостоятельной работы</i>	110
Заключение	111
Рекомендуемая литература	113
Библиографический список	116

Учебное издание

**ЛИТЕРАТУРА ЮЖНОГО УРАЛА
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Составитель: Татьяна Николаевна Маркова

ISBN 978-5-907869-54-7

Работа рекомендована РИС ЮУрГГПУ
Протокол № 31 (п. 17) 2024 г.

Издательство ЮУрГГПУ
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69.

Редактор О.В. Боярская
Технический редактор Т.Н. Никитенко

Подписано в печать 22.11.2024 г. Тираж 100 экз.
Формат 60×84/16. Объем 7,1 усл. п. л. (4,5 уч.-изд. л.)
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ЮУрГГПУ
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69